

Акс Мэтт

**Семь дней
будущего**

Акс МЭТТ

Семь дней будущего

«Издательские решения»

Мэтт А.

Семь дней будущего / А. Мэтт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966141-8

2030 год. Бескрайняя ледяная тундра заполярного Ямала. Отряд ССО внезапно сталкивается с неизвестным врагом. Эти существа невидимы, быстры и невероятно смертоносны. Кто они? Какая сила ими движет, и какова их цель? Как спасти людей и победить беспощадного противника? Арктика. Нефть. Загадочные гигантские провалы в земле... И человеческий разум и воля к победе, которые порой нужнее самых современных и совершенных систем вооружения. Вы готовы к этому?.. А ведь это — только начало!

ISBN 978-5-44-966141-8

© Мэтт А.

© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
Хронология пути в грядущее	7
ПРОЛОГ	8
Часть I	15
БЕЗУМИЕ СТРАХА	15
Зелёный луч	15
Камни, песок и нефть	19
Точка отсчёта	25
Деревянные горы	30
Верхом на летающем «Слоне»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Семь дней будущего

Акс Мэтт

Редактор Константин Шморага

Корректор Ольга Литвиненко

© Акс Мэтт, 2019

ISBN 978-5-4496-6141-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ

Хронология пути в будущее

Вы показали ИМ дорогу к вашему дому.
Вы сами добыли для НИХ еду.
Скоро вы встанете перед НИМИ на колени
И отдадите ИМ своих детей!

Первый Хранитель

ПРОЛОГ

Величественные белые птицы, изящно выгнув длинные шеи, степенно проплывали мимо притаившегося в густой листве прибрежного платана зачарованного гоминида.

Время от времени какая-нибудь из этих красавиц оглашала заводь гортанно-сипящим криком, переходящим в шипение, расправляла широкие крылья и сильно била ими по воде, точно стараясь оторваться от поверхности и взлететь.

Да, «пели» они не очень... Примерно так кричат на лесных полянах те, кто жуют траву и машут метёлками хвостов, отгоняя назойливых мух в жару. А вот крылья... Эти белые восхитительные крылья! Как много раз сидел он тут и наблюдал потрясающую грациозность взмахов этих огромных белых крыльев! Как часто, будто замороженный, смотрел он за тем, как птицы взлетают и садятся обратно на водную гладь. Сначала тяжело, с усилием начиная взмахивать пушистыми облаками, будто приросшими к длинным передним лапам, затем всё быстрее и быстрее! И, наконец, вытянув длинные шеи, стремительно разбегаясь по воде (сам он даже смотреть на неё боялся!) и поджав перепончатые нижние лапки к такому же белому и пушистому животу, они взмывали ввысь, унося с собой все его желания и мечты!

Плавать в воде без страха и летать в облаках без предела!

Они поднимались так высоко, что, казалось, подлетали к самому Небесному Огненному Диску! Тому, что, восходя поутру над лесом, озарял все вокруг и отгонял хищников, сушил промокшую под дождём шкуру и наливал сладким янтарным соком плоды на деревьях. Свет с неба был добрым. А птицы... птицы были просто прекрасны! И они могли летать в вышине, рядом с солнцем. Может, они были его детьми? Купаясь в его золотых лучах, паря среди облаков, они казались восхищенному мохнатому существу в густой листве платана сказочно-волшебными, божественными. И такими недостижимо далёкими...

С тоской взглянув на свои поросшие грубой буроватой шерстью длинные мускулистые руки, так разительно не похожие на невесомый пух белоснежных крыльев, гоминид ловко вытащил из-под мышки очередного надоедливое кровососа и, сунув его в рот, с удовольствием щелкнул между зубов: проглотив лакомое содержимое, смачно сплюнул шелуху шкурки...

Утро только начиналось, и пора было заняться прокормом. В последний раз кинул он прощальный, полный легкой грусти взгляд на прекрасных созданий, и тут вдруг ярчайший свет нестерпимо резанул глаза!

Внезапно лебеди все, как один, взмахнули крыльями в едином порыве взлететь, но... застыли, точно окаменев, едва начав полет бегства.

Все замерло вокруг!

Ни ветерка, ни шелеста листвы, ни крика животного или птицы. Абсолютно все остановилось. Мёртвая тишина сковала воздух.

Несчастный сидел теперь меж замерших ветвей и не мог шелохнуться. Все существо его уже прощалось с жизнью, сознавая свою полную беспомощность: точно могучие лапы махайрода придавили его к земле, и безжалостные клыки хищника уже ищут яремную вену, стремясь лишить его жизни. Его большие, выразительные глаза были все так же обращены к озеру. Как ни старался, он не мог отвести взгляд или сомкнуть веки.

И тут он увидел чудо!

По серебряной глади воды, точно по твёрдому базальтовому полу его любимой пещеры, не утопая и нисколько не страшась, не спеша, шли два неведомых ему существа. Они были высокими и гораздо более стройными, чем он сам. Лица и руки были совсем светлыми, безволосыми, как его собственные ладони. А двигались существа так же грациозно и плавно, как те самые птицы, что так и не успели взлететь и теперь беспомощно-покорно застыли над окаменевшим зеркалом воды.. И эти создания, как и его прекрасные любимцы, были... во всем

белом! Не просто белом, а ослепительно белом! Такого безмерно чистого цвета бедный примитивный гоминид не видел никогда в жизни: даже лебеди были не столь идеальны!

Существа встали точно в центре озерца, и тут яркий свет ещё раз озарил окрестности, на секунду ослепив невольного свидетеля. Через мгновение он увидел картину, потрясшую его, как ничто другое.

Двое по-прежнему неподвижно стояли на воде, но теперь к ним шёл кто-то ещё. Он был более высок. На голову выше остальных. Его величественная поступь была такой тяжелой даже для застывшей воды, что создавала легкую рябь и содрогание той. А фигуры и движения волшебной троицы так ускользающе-непостижимо кого-то напоминали гоминиду, но он никак не мог вспомнить кого именно. На плечах третьего была такая же ослепительно белая, парящая, словно легкое облако, невесомая одежда, что и на прочих, но черт лица, сколько ни старался невольный свидетель, разглядеть было невозможно из-за яркого Солнечного света, будто струившегося прямо из его волос. Сойдясь, существа синхронно слегка склонили головы навстречу друг другу и снова встали прямо. Гоминид чётко видел, что те стоят молча, губы их не шевелятся, однако же очень красивая и, главное, совершенно понятная речь, рекой полилась прямо ему в голову. И сердце радостно сжалось от этой сладостной музыки слов, будто много лет только её и ждало!

– Мы опоздали, Помощник. Низвергнутый побывал и здесь. Он оставил Печать. Ук-Тем уже дали подземное потомство и убирать их нельзя. – Двое снова теперь приклонили головы, и один из них протянул высокому руку, ладонью вверх.

Большой, кожистый, с толстыми лапками, на ней недвижимо лежал... паук.

Гоминид словно бы стоял рядом с ними и смотрел на происходящее глазами этих прекрасных существ, замечая каждую деталь и восхищаясь созерцаемым.

– Все идёт своим чередом, Хранители, – немного нараспев, не торопясь, ответил высокий.

– Не стоит печалиться. Создатель выбрал этот мир, как и множество других прекрасных своих творений, для обретения вершины бытия. Прекрасное Дитя придёт и станет помощником всем нам. Станет светочем для самого Отца! Лучшим его творением. Любя и творя любовь, оно остановит Пфа-Ук и того, кому Они служат.

Затем, чуть помолчав, посмотрел... прямо в глаза испуганному до полусмерти гоминиду и добавил:

– Так предначертано. И так будет!

Ставшая мгновенно зыбкой водная гладь под их ногами медленно завибрировала, мелкие капельки начали отрываться от зеркального монолита и, постепенно поднимаясь, выстраивались в пелену вокруг троицы. Этот сгусток тумана и воды неумолимо и мощно закрутился, как весенний вихрь над лесом, когда молодые молнии сверкают каждую ночь, рассекая небо всполохами и придавливая грохотом все живое к земле. Над головами скрывшихся в воронке существ вспыхнул и оборвался зеленоватый луч нестерпимого света. Водяной столб, потеряв опору, с грохотом рухнул в озеро, а обретшие свободу птицы с неимоверной силой рванули ввысь и прочь.

Гоминид много раз потом приходил на то место, но больше так и не увидел ни странных прекрасных созданий, ни восхитительных белых птиц. И только длинными, закатными вечерами, когда сородичи стремились забраться как можно выше в кроны деревьев, прячась от хищников, он, напротив, спускался с дерева к воде и подолгу глядел в её остывающее зеркало. Подмигивая, и корча рожицы своему отражению, зачерпывал пригоршнями и поливал себе голову ещё тёплой влагой, как будто стараясь быть сопричастным тому странному удивительному событию, свидетелем которого ему посчастливилось стать.

А их слова, которые когда-то, словно чистый поток хрустального ручья, лились прямо в его начавшее было светлеть сознание, теперь потеряли какой-либо смысл и почти стерлись из памяти.

Он уже с трудом вспоминал смутные, неумолимо ускользающие звуки голосов неизвестных существ и они всё тише звучали в его голове. Но, удивительное дело, два слова из их волшебной речи, похоже, он выучил теперь навсегда.

Первое очень напоминало ему то, как называли сородичи его давно ушедшего отца.

– Та! Та-та! – тихо и радостно повторял он каждый такой раз, силясь взять власть над непослушным языком и губами.

А вот второе... Второе сначала он почти забыл!

«Там же было что-то ещё...! Какое-то слово...»

Но, нет... все усилия были тщетны.

Большое перо восхитительной белой птицы – всё, что осталось на память от времени, когда он любовался ими у озера, – было спрятано в укромную расщелину между ветвями. Он доставал его, трогал, гладил непослушными пальцами, щекотал ладони его шелком, представляя себе белые одежды незнакомцев, сотканые из таких же белоснежных перьев. И ему казалось, что пришельцы улетели на прекрасных белых крыльях, взмахивая ими так же грациозно и величаво, как это делали лебеди.

Эх! И чего бы только ни отдал он сейчас за такие же белые крылья за спиной и возможность лететь к Солнцу!

Отдал бы всё!

Но время шло. Зелёную весеннюю листву сменяло золото осени, а его, в свою очередь, – голые ветки и зимняя стужа. И так по нескончаемому кругу. А его собственная шкура уже понемногу начала покрываться серебром седины.

Однажды, сидя на своём любимом месте, на берегу озера, он нашарил среди листвы какое-то маленькое существо, копошащееся в глинистой ямке. Без труда поймав и поднеся его к глазам, он с удивлением разглядел в нём того самого паучка. Сердце бешено заколотилось, и воспоминания нахлынули бурлящим потоком.

Он рассматривал его со всех сторон, и удивлению его не было предела! Разве может быть таким прекрасным и гармоничным столь маленькое тщедушное создание, как это?

Оказывается – да!

Но самой удивительной была настоящая барельефная картина, точно вылепленная искусной рукой неведомого творца по уплощённому концу брюшка. Всё это напомнило ему...

Да-да! Конечно!

На ней были и солнце, и звёзды, и он... человек!

Пройдут сотни тысяч лет, и великие майя запечатлят на своих бессмертных и нерушимых пирамидах эту картину. Спустя ещё тысячелетия учёные дадут ей имя циклокосмия¹. А пока...

Гоминид глядел на эти таинственные символы, и воспоминания о тех прекрасных существах вновь накрывали его ярким светом, заставляя переживать неведомые ранее чувства, пытаясь воссоздать эти странные и непонятные звуки.

– Тэм! – наконец выдохнул он.

Очень похоже сородичи называли всё, что было кругом. Мир вокруг них.

Снова и снова повторял он, внутренне радостно улыбаясь своей маленькой тайне:

– Та – Тэм...! Та – Тэм...!

Начало XX-го века, Штат Огайо, США

---

¹ Древнейший из известных вид пауков. Отличительная особенность – форма брюшка в виде замысловатого барельефа древнего храма.

Весь перепачканный с головы до ног серой глинистой грязью и битумом, но ужасно радостный мальчишка-подмастерье стремглав бежал к аккуратному свежевыкрашенному светло-голубой краской дощатому домику, стоявшему на самом краю посёлка. И безмерная радость его была искренне оправданной: в кожаном кошельке серьёзного господина, арендовавшего недавно этот домик для каких-то важных и секретных дел, лежал заветный серебряный доллар, обещанный тому, кто первым принесёт радостную весть с буровой. И теперь сорванец, вот уже целую неделю занимавший столь важную в его собственных глазах должность помощника второго бурильщика, летел, словно на крыльях: сияющая монета вот-вот должна была стать его заслуженной наградой!

С трудом, затаив дыхание и удерживая вырывающееся из груди сердце, мальчуган притормозил за пару десятков ярдов до дома. Быстро плюнув на грязные ладошки и обтерев их бывалым рваненьким носовым платком из нагрудного кармана, как мог, зачесал на обе стороны прямой пробор. Зеркала у него, как у Элли Вайт, при себе не водилось, поэтому он просто посмотрелся в бочку с водой, стоявшую возле сарая. Отражение ему явно пришлось по душе, и он, задорно присвистнув, бодро взбежал на крыльцо.

– Мистер Бастиан, мистер Бастиан! Она пошла! – звонко прокричал мальчуган и пару раз ударил кулаком в крепкую дверь.

Человек, почти сразу вышедший на стук мальчика, с интересом уставившийся на него, заметно оживился, когда пострел ещё раз, но уже более спокойно и членораздельно повторил заветную фразу. Вмиг поменявшись в лице, этот солидный господин, ничуть не скрывая теперь вдруг нахлынувшей радости, чуть не подпрыгнул на месте и тут же бросился назад в дом за рабочим кофром и шляпой. Собираясь и на ходу надевая мягкий твидовый пиджак и шляпу, он однако не забыл отблагодарить сорванца и, весь сияя, как начищенный медный таз, полез в карман за портмоне.

– Какая глубина?

– Почти тысяча двести футов, сэр! Как вы и предполагали! – пацанёнок явно предвкушал удовольствие от обладания столь значительной суммой денег. Мужчина не стал медлить: вынул из кошелька монету, подкинул её на ладони, удовлетворённо крикнул, будто каким-то своим мыслям, и почти торжественно, но без гимна и поднятия флага, вручил её счастливому курьеру.

– Получите, мистер э-э... – замялся серьёзный господин.

– Сэм, сэр. Сэм Аткинс, – весь переполняясь гордостью и заливаясь краской, уточнил парнишка и быстро оглядел собравшихся уже поодаль зевак – посёлковую малышню. Особенно девочек, тихонько хихикающих и что-то нашёптывающих друг дружке на ухо.

– Вот именно, сэр! – улыбнулся мужчина, – Сэр Сэм Аткинс! Держите – на счастье!

Возле буровой работал отец мальчика и несколько молодых парней. Они таскали бочки-баррели под нефть, и по всему было видно, что настроение у них отличное. Высоченного роста мужчина в перепачканном кожаном переднике, надетом на красную клетчатую рубашку с закатанными выше локтя рукавами, увидев подходящего к участку с буровой серьёзного джентльмена, оставил свою работу и, вытирая сильные руки тряпичной, ещё издали радостно пробасил:

– Добрый день, мистер Эдссон! Вы оказались трижды правы. Этот участок окупит себя уже через месяц! Дай Бог вам здоровья и процветания вашему замечательному ремеслу!

Подошедший джентльмен со взаимностью пожал здоровяку протянутую навстречу крепкую мозолистую руку, несколько при этом не опасаясь замарать рукавов пиджака или перепачкаться самому. Это были родственные души: нефть, добываемая теперь здесь, скоро сделает их всех сказочными богачами. Павлинья манерность была ни к чему. Аккуратный джентльмен был бы рад хоть умыться теперь этой чёрно-бурой сильно пахнувшей жижей – такую радость принесла ему весть о вскрытии пласта именно в этом месте.

– Я договорился с компанией «Стандарт Ойл» Джона и Уильяма Рокфеллеров. Они купят всё! Этого дня я ждал всю жизнь! Спасибо вам, мистер Эдссон, что убедили меня бурить именно здесь! – радости отца мальчика не было предела.

– Да-да, я искренне рад за тебя, Джек! Где она – та, что я просил?! – Бастиан Эдссон, улыбнувшись, стал оглядываться по сторонам в поисках так необходимого ему предмета.

Буровых дел мастер махнул шляпой в сторону:

– Конечно, конечно, сэр! Я ее сразу же наполнил, как только вода пошла. И сразу закрыл крышкой. Всё, как вы велели. Сэм, помоги мистеру Эдссону!

Мальчик подбежал к бочке, стоявшей поодаль, ловко снял стопор с крышки и, отойдя в сторонку, стал с интересом наблюдать за манипуляциями геолога. Мистер Бастиан Эдссон отточенными движениями открыл саквояж, достал дорожный набор со штативом, полный реагентов, ретард и колбочек. Открыл пробку на одной из них и осторожно плоской ложечкой собрал буроватую маслянистую плёнку на поверхности молочно-мутной воды, залитой в бочку. Тут же закрыл плотно пробкой, обёрнутой в хлопковую ткань. Затем повторил эти манипуляции с другими пробирками. Сразу тщательно их завернул в плотную ткань и поставил в тубусы...

Этим же вечером, внимательно рассматривая в микроскоп крошечные существа в капле воды на подложке, Эдссон чувствовал, что тоже никогда не забудет этот день.

Уже через месяц на конференции геобиологов мистер Бастиан Сандерленд Эдссон выступал с неожиданным докладом, в котором доказательно предполагалось существование в водах нефтеносных слоев бактерий, не нуждающихся в солнечном свете, кислороде и питающихся исключительно органическими соединениями нефти.

...Зал буквально взорвался аплодисментами, когда с помощью аппарата братьев Люмьер, усовершенствованного другом мистера Эдссона, выдающимся механиком Карпантье, на проекционном полотне в капле воды, многократно увеличенной, задвигались несколько бактерий. Это был несомненный прорыв в познании природы происхождения жизни на Земле, ведь ранее считалось, что в бескислородной среде жизни быть не может. Чрезвычайно довольный произведённым эффектом докладчик стоял в лучах славы и слушал аплодисменты в свою честь. Он уже мысленно раскрывал новую рабочую тетрадь и готовился к подробному описанию классификации найденных им бактерий.

Вот он перевернул страницу в папке с печатными листами, лежащей на трибунке, и...

Наши дни. Принстонский университет. США

...на титуле пухлой папки с листами, сплошь покрытыми таблицами, графиками и машинописным текстом, ёмко и конкретно значилось:

«Особенности и многообразие простейших организмов на глубинах от 1 до 3 миль под поверхностью земли. Доклад. Руководитель проекта Таллис Онстотт.»

Мужчина, стоявший за трибуной для публичных докладов, старательно подбирая слова и делая от этого некоторые паузы, усердно оглашал результаты научной командировки. В большом университетском конференц-зале недостатка в присутствующих не наблюдалось. Скорее, не наблюдалось свободных мест. Среди слушателей были не только местные светила науки – профессора по профилю, но и вся факультетская рать: доценты, заведующие кафедрами, лаборанты и студенты. Давно уже Принстон не заслушивал в своих стенах тему, сама суть которой была теперь способна изменить принципиальное отношение, как это не парадоксально звучало, к... поиску внеземной жизни прямо, что называется, у себя на заднем дворе. На первых рядах сидели даже специалисты из НАСА, а в углах густо стояла съёмочная аппаратура новостных и специализированных телевизионных каналов. Люди сосредоточенно слушали, не обсуждая и даже не перебрасываясь друг с другом и парой фраз.

– ... Мы проводили исследования в одной из глубочайших шахт мира – золотом руднике Беатрикс в ЮАР, в результате чего обнаружили, что на глубине порядка двух-четырёх километров под землёй обитают несколько видов нематод, в том числе ранее науке не известных!

Густая тишина в зале ощущалась кожей, а напряжение достигло максимума. Казалось, вот-вот и воздух начнёт искрить электричеством, сконденсированным десятками светлых умов, внимающих каждому слову докладчика.

– Для чистоты эксперимента, – тут мужчина вытер аккуратным платочком слегка выступивший пот со лба и сделал глоток воды из высокого стакана. Задержал его в руке и внимательно всмотрелся в прозрачную жидкость в нём. Пауза несколько затянулась, но в зале никто даже не кашлянул. – Так вот, – он поставил стакан на место и, окинув ряды торжествующим взглядом, заговорил так, как будто обращался к каждому из присутствующих лично.

– ...Мой дорогой коллега из Гентского университета, нематолог доктор Гаэтан Боргони ровно год просидел под землёй, на глубине трёх миль, чтобы обнаружить это создание! Доктор Боргони, встаньте, пожалуйста, прошу вас! Леди и джентльмены...

Зал будто выдохнул, и накопившиеся эмоции водопадом обрушились на бедного учёного, скромно привставшего со своего места в первом ряду. Он обернулся к аудитории и вежливо поклонился. Грохот аплодисментов солидной публики рванул в тишине зала, как граната, а свист и приветственные крики обеспечили студенты и молодежь.

Председатель постучал молоточком, и в зале вновь воцарилась тишина.

– Мы сомневались, не занесены ли черви рабочими шахтёрами в забой с поверхности. Поэтому пришлось взять пробы почти с тридцати двух тысяч литров воды, прежде чем пара микроскопических нематод была обнаружена именно на этой глубине – три тысячи шестьсот метров! И более того...! – доктор Онстотт набрал побольше воздуха в грудь, как будто решил нырнуть на такую глубину в океане.

– Проведённый изотопный анализ проб водоносных образцов породы, являющихся средой обитания этих круглых червей, показал возраст их предполагаемого нахождения именно в этой колонии. Это тысячи, десятки тысяч лет! Червь смог эволюционировать и приспособиться к гигантскому давлению, температуре под сто сорок градусов по Цельсию и полному отсутствию кислорода. И это за время, сравнимое с антропогенезом гоминида к человеку разумному! – учёный сделал паузу, обвёл глазами зал и остановил взгляд на том месте, где сгрудились телекамеры и журналисты.

– Исходя из вышесказанного, мы с большой долей вероятности можем предполагать, что на небесных телах земного типа, в схожих геотермальных условиях могут существовать подобные биологические объекты!

Зал выдохнул в едином порыве узнать большее: люди заговорили между собой, а из рядов наперебой посыпались вопросы.

– Доктор Онстотт, вы хотите сказать, что и на Марсе, глубоко под поверхностью, могут быть такие же черви...? – ожидание ответа моментально остановило все разговоры в конференц-зале, и снова наступила тишина.

– Да! Вполне! – докладчик заинтересованно посмотрел в сторону задавшего вопрос человека. – Схожие условия вполне могут обеспечить существование чего-то подобного и на этой планете, и на многих других. И именно на таких глубинах – не забываем про наличие перхлоратов практически на всей поверхности Марса. – И, повернувшись к помощнику, сделал тому знак рукой. Присутствующие замерли, будто в ожидании волшебного действия.

Жалюзи на окнах приотпустились, и в зале стало мглисто-сумрачно: искусственного освещения не включили. Докладчик продолжал:

– Одноклеточные бактерии, населяющие подземные глубины вплоть до слоёв, где температура не даёт им уже возможности размножаться, потребляющие столь калорийный и пита-

тельный «бульон», коим является нефть, и сами из себя, представляют весьма привлекательную дичь.

Учёный поднял правую руку с вытянутым вверх указательным пальцем, акцентируя тем самым внимание аудитории на важности произносимых им слов:

– А там, где есть на кого охотиться, как известно, обязательно должен быть и тот, кто это делает!... И наши усилия не остались тщетными, теперь мы, наконец, нашли этих ранее незримых идеальных хищников. Они прожили в условиях высоких температур, ограниченного пространства, огромного давления и полной изоляции от внешнего мира почти 300 млн лет! И вот теперь мы их обнаружили и пригласили выйти на поверхность...».

Внезапно и к полному изумлению зрителей, посреди зала, рядом с кафедрой, прямо из воздуха начало стремительно расти изображение странного змееподобного существа, весьма похожего на чёрный, очень толстый гофрированный шланг с тупым, покрытым присосками рылом. Изображение не было статичным – существо колыхалось и извивалось. Достигнув в процессе своего виртуального роста порядка трёх метров, оно начало подниматься вверх и зависло в десяти футах над полом. Эффект увиденного так близко и в такую величину этого откровенно страшного создания был феноменальным. По помещению прокатился единый тревожный вздох, а какая-то наиболее впечатлительная девушка, взвизгнув, бросилась вон из зала. Многие инстинктивно пригнулись, пытаясь спрятаться или отойти как можно дальше от столь отвратительного создания, пусть даже и виртуального. Голографическая проекция весьма детально обозначила все особенности структуры этой странной нематоды. Зрелище было не для слабонервных.

– Исходя из глубины места его обнаружения и, я бы сказал, ...весьма специфической внешности, мы взяли на себя смелость присвоить ему столь «адское» название.

Докладчик победоносно обвёл взглядом зал и вскинул руки ладонями вверх:

– «*Halicephalobus mephisto*» – «Дьявольский червь»!

Часть I

БЕЗУМИЕ СТРАХА

Зелёный луч

Июль 2014 года. Россия. П-ов Ямал.

Район Бованенковского

нефтегазового месторождения

Большое, красное, слегка подёрнутое дымкой солнце, опустившись почти до самого горизонта, так и осталось на нём лежать, как положенное на стол спелое яблоко. Оно неподвижно висело над бескрайней тундрой, и в его неясном свете при желании вполне можно было читать, например, книгу даже в два часа ночи, так светло летом на Полярном Ямале. Белая ночь вступала в свои сумрачные права на отдалённом стойбище, но признаки её присутствия подтверждали лишь олени, мирно улегшиеся отдыхать на мягкий ягель и оставившие до «условного» утра все свои летние заботы по выяснению иерархии в стаде. В чумах, несмотря на поздний час, всё ещё не ложились спать: сегодня отмечали день рождения бригадира Игнея Сэротэтто и по ходу дела обсуждали подготовку к осеннему касланию, перегону оленей на новые пастбища, предстоящему в сентябре. На больших блюдах лежали горками ароматный шашлык из оленины и струганина муксуна², присланного в подарок товарищами с южных рыболовных хозяйств. В стороне от раскрасневшихся и разомлевших от горячительного, собравшихся за общей трапезой людей, стояла вполне современная мультимедийная переносная микросистема. На плоском экране шла трансляция какого-то концерта, пришедшегося как раз вовремя к празднику в стойбище. Всё было вкусно, хмельно, тепло и душевно.

Внезапно по экрану побежали серые волны, звуки музыки пропали, а вскоре и само изображение совсем исчезло. Недовольные гуляки сначала все, как один, замолчали, недоумённо тарашась на потухший экран, но затем виновник торжества встал и, нетвёрдо ступая, направился к выходу из чума.

– Эй, Сэротэтто, глянь, может антенну опять старая важенка³ подломила? – понеслось ему вслед под одобрительный смех.

– Ох, и просится она на мой нож. Вот скоро щекур тылыщ⁴, тогда не уйдёт от моего тынзья⁵. – Выходя за другом, бурчал недовольный сосед, решивший помочь имениннику и заодно облегчиться. Спиртное подкашивало уставшие за рабочий день ноги, и он чуть было не завалился на хлипкую оградку кораля. Но удержавшись, всё же встал, опершись при этом на длинный берёзовый хорей, удачно попавшийся под руку. После спёртого, насыщенного ароматами обильной еды и выпивки воздуха стойбищного чума, прохладный ветерок летней тундры показался божественно-живительным и бодрящим. Вокруг было как-то необычно тихо. Настолько, что слышались похрюкивания и ворчание спящих карибу.

Внезапно здоровенный племенной самец, хора, вскочил на ноги посреди стада и, потянув носом воздух, протяжно рыкнул. Затем, несмотря на наличие огромных ветвистых рогов

---

² Муксун – ценная промысловая порода рыбы.

³ Важенка – олениха, предводительница женской части стада оленей.

⁴ Щекур тылыщ – ежегодный осенний отлов оленей.

⁵ Тынзьян – аркан оленевода.

и довольно боевой вид, высоко задрал хвост и... трусливо бросился стремглав куда-то в сумеречную тундру. Вслед за ним, как ненормальное, прыгая через головы и тела друг друга, уже ломилось наутёк и всё стадо.

– Что это, Петрако, а? Не иначе, росомаха? – удивлённо открыв рот, успел было спросить именинник друга, опуская руку с ненужным теперь тынзяном, тонким плетёным кожаным арканом, которым намеревался изловить провинившуюся олениху. Он начал поворачиваться в сторону помощника, но тут, примерно километрах в пяти за его спиной, озаряя всю тундру вокруг нестерпимо-ярким сиянием и падая отвесно вниз, с бешеной скоростью вошёл в землю гигантский сгусток зеленоватого свечения. И тотчас же ударная волна долетела до лагеря оленеводов: чумы вместе с людьми просто сдуло и они перелетели, кувыркаясь и ломая шесты, как спички, метров на сто-двести от стоянки.

Пока те, кто оставался в поверженных меховых палатках, пьяно кувыркалились и силились выбраться из них, два обомлевших от происходящего пастуха уже пришли в себя и начали подниматься на ноги. Почти синхронно отряхиваясь и поправляя одежду, они встали и посмотрели в сторону предполагаемого эпицентра взрыва. Но там теперь ничего не было: ни пожара, ни зарева, ни чего бы то ни было ещё, подтверждающего реальность произошедшей катастрофы. Они переглянулись и обвели разоренное стойбище ошарашенным взглядом. И в этот миг, прямо из того места, куда они несколько секунд назад так неотрывно смотрели, в небо, под прямым углом полыхнул широкий зеленоватый луч света. Челюсти обомлевших оленеводов отвалились ещё ниже, когда навстречу поднимавшемуся постепенно ввысь свету, оттуда, из поднебесья упал ещё один луч. На высоте облаков они соединились, и столб искрящегося прекрасного сияния заиграл всеми цветами радуги в неровном тускловатом зареве надгоризонтного солнца.

– Салиндер, друг, это что, а? – только и смог выдавить из себя сразу протрезвевший именинник, всё ещё неотрывно пялясь в момент округлившимися глазами на слегка пульсирующий столб света, уходящий высоко в темнеющее небо. Но напарник словно потерял дар речи и стоял возле него, как вкопанный, всё ещё сжимая в руке так и не надетую впопыхах широкую старую малицу⁶, полинявшую и почти лишённую меха.

– Я слышал, у китайцев, далеко на юге есть такие штуки – фейерверки. Сначала, как молотком по голове – бах! А потом от них небо расцветает огнями. Они по большим праздникам это устраивают. – Сэротэтто нервно сглотнул, не отводя взгляда от невероятного зрелища.

Прошло ещё не меньше минуты пока тот, к кому обращались, смог наконец выдавить из пересохшей гортани еле слышные сипы:

– Да. Есть такое... У нас ведь теперь тоже большой праздник, да? – и, продолжая смотреть на небо, многозначительно покачал головой:

– Ты думаешь, это тебе твои геологи да нефтяники устроили? Сомневаюсь я, однако... – Он повернулся и посмотрел на копошащихся в обломках и обрывках чумов людей. Слышались гортанные крики, крепкая брань, но о помощи никто не просил. «Слава Богу, все живы!» – подумал Салиндер.

И тут луч стал укорачиваться, затухать и опадать вниз, как будто уходя под землю.

– Смотри, Путрук, куда эта штука пропадает? Это вроде не так далеко? – он посмотрел на напарника и махнул в сторону затухающего зарева. – Может, съездим – посмотрим, а? – любопытство и невыветрившийся алкоголь брали своё.

– А на чём ты собрался ехать-то? Меня что ли в нарты запрягать будешь? Собаки и те разбежались, – слегка растягивая слова, недовольно ответил Салиндер, разводя руками по сторонам и устало икнув при этом.

---

⁶ Малица – ненецкая национальная одежда.

Но возбуждённый возможностью повидать что-то новое, вносящее хоть какое-то разнообразие в размеренно-нудную жизнь посреди тундры, друг был непреклонен. Он схватил валявшееся под ногами новенькое, только что подаренное ему соплеменниками ружье, подобрал патронташ и бегом кинулся в сторону всё ещё яркого, но затухающего сияния. Со вздохом недовольства его приятель выругался, припомянув почему-то в первую очередь якобы сломавшую антенну старую важенку, натянул на себя малицу и опрометью бросился за исчезающим в неясной мгле товарищем.

Быстро бежать не получилось, и поэтому к месту, где по прикидкам было «это всё», добрались уже под радостные лучи восходящего солнца, которые, заодно, окончательно затмили потухающее загадочное сияние. Но Игней Сэротэтто был не только оленевод. Он был настоящий ханена, охотник. И безошибочно мог держаться выбранного направления что днём, что ночью, без всякого компаса одному ему известным способом. За несколько сот метров до места товарищам стали попадаться на пути огромные, точно вырванные из вечной мерзлоты, куски грунта, представляющие из себя слоёный пирог чахлой растительности, тонкой почвы и многовекового льда под ними. Такие куски высотой по три-пять метров валялись там и тут непривычно огромными скалами, выросшими в одночасье в гладкой, как стол, тундре, и начинали своим зловещим видом наводить сомнения у двух отважных, но крайне суеверных ненцев: правильным ли было решение бежать сюда. Наконец впереди стал виден высокий бруствер из мешанины льда, грязи и развороченной растительной массы. Он имел неясные края и терялся в тумане. Кругом были огромные лужи талой воды, быстро стекающей с вывороченных глыб, поэтому лёгкие летние сапоги из шкур в конце концов промокли и теперь хлюпали на ходу, отнюдь не доставляя удовольствия.

– Э-эйх! Зачем я тебя послушал? Тангад мама дала специально к тебе на праздник. Все испортил. В чём теперь жениться буду, а? Эх...! – зло зудел позади Салиндер. Однако не бросал товарища и шёл дальше. Хотя, будь его воля, – убежал бы отсюда что есть мочи. Всех бы оленей обогнал! Не иначе всё это проделки злых духов.

Игней же, наоборот, шёл молча, сосредоточенно сохраняя дыхание и желая добраться до разгадки, сохранив силы. На них пахнуло жарким воздухом, и грудь спёрло от перегретого пара, клубящегося вокруг. Хотя от ледяных глыб, разбросанных кругом по тундре наоборот, несло лютой стужей.

– Всё, друг! Дальше иди один, я туда не пойду, хоть режь – не пойду! – скрежетал зубами Петрако, однако же, продолжал продвигаться, одновременно прячась за спину более смелого напарника.

А тот уже вскарабкивался по глинистой раскисшей насыпи, цепляясь за выступы камней и ледяные края. Праздничные бокари на ногах давно уже превратились в раскисшие куски кожи, облепленные грязью, и теперь скользили в топкой жиже. Лёгким отчаянно не хватало воздуха, но любопытные люди всё шли и шли, упорно взбираясь всё выше и выше. Наконец, встав на самой вершине бруствера, оба чуть не шагнули по инерции дальше, но тут же остановились и едва не заорали от ужаса внезапно открывшейся перед ними картины.

Они стояли на самом краю гигантской ямы, противоположные края которой смутно мелькали в разрывах восходящего перегретого пара на расстоянии больше сотни метров от них. Лёгкий утренний ветерок колыхнул и тут же сдул на минуту туман. Потрясённые люди смотрели и не могли поверить своим глазам. Вниз, на сколько хватало возможности видеть, уходила ровная отвесная стена гигантского шурфа, края которого были чётко срезаны, словно умелой рукой искусного резчика по кости. Шипенье вырывающегося через трещины в ледяных стенках пара и гул осыпающегося грунта создавали совершенно сюрреалистический, невероятный для тундры набор звуков, густой волной катившихся из огромной трубы наверх. А сверху вниз лились непрерывно потоки грязной воды, увлекая с собой огромные комья грязи и льда прямо в бездну, заглянуть в которую друзья так и не решились. Почувствовав, что зыбкая почва под

ногами стала потихоньку оседать, они отшатнулись и подались назад, не в силах, впрочем, оторвать взглядов от великолепного потрясающего зрелища гигантского кратера.

Салиндер наконец дернул за рукав Игнея и на этот раз почти шёпотом, в самое ухо прошепел:

– Нам надо уходить немедленно, слышишь? Сиртя⁷ вернулись! Беда скоро будет большая.

---

⁷ Сиртя – легендарный таинственный народ, населявший тундру до прихода в неё ненцев.

Камни, песок и нефть

14.03.2030, 7 часов утра (местного времени).

Пустыня Гоби. Юго-восточная Монголия.

Временная отсечка «X»

– Э-э-э, нет, это ещё не жара! В это время года настоящего зноя не бывает. Ночью так вообще мороз! А это всего лишь благословенное утро, и солнце только ещё восходит. А вот когда оно будет в зените, можешь мне поверить, лучше будет сидеть под кондиционером, попить холодное пиво и не показывать носа на улицу: ветер такой, что проклятый песок будет у тебя не только на зубах! – Парень в плотной, когда-то, видать, яркой, а теперь насмерть застиранной и от этого абсолютно вылинявшей рубашке с подвёрнутыми рукавами и таких же полинявших от пота широченных штанах в стиле «милитари», мастерски вёл тяжёлый внедорожник среди бесконечных песков и каменистых холмов. Рядом с ним с пассажирской стороны сидел примерно тех же лет молодой человек. По одежде – более цивильного и гораздо менее потрёпанного, хотя и явно несуразного для здешних мест вида, – и менее интенсивному загару можно было сразу узнать приезжего издалека. Из совсем далёкого далека.

Время от времени пассажир поворачивал голову в сторону пролетающих мимо придорожных барханов, но, не обнаружив хоть какого-то отличия от предыдущих, снова, с вежливой сдержанной, даже слегка натянутой улыбкой возвращал внимание на водителя. По всему было видно, что он не совсем в своей тарелке и однообразные виды за накрепко закрытым по причине работы климат-контроля окном явно не радуют его.

Заметив недоумённые взгляды, которые искоса кидал местный на его костюм, он решил частично реабилитироваться, заодно наладить знакомство:

– Я из Квебека, – покачал головой он и, словно ожидая, поймёт ли его собеседник, чуть помедлив, пояснил, – У нас там совсем другой климат и пейзажи. Совсем всё другое! И, знаешь, не надо этой официальности, как на вокзале: мистер инженер Питер Картье, и всё такое... Зови меня просто Пит.

– О! – с понимающей улыбкой протянул водитель, – А я-то смотрю, откуда этот лёгкий французский прононс...? – и шутливо, как смог, изобразил знаменитую Эдит Пиаф⁸: «... О, рьядорьян...»

– Да уж... Отец – француз, мать – англичанка. Бывает и так.

– Согласен! – сдержанно хохотнул собеседник. – Хотя, чаще – наоборот.

И продолжил:

– В этой части света мы с тобой, считай, земляки! Поэтому, я тоже буду откликаться на просто Джо. – Он ещё раз улыбнулся. День начинался вполне сносно. – Небось, никогда не видел так много песка и ни единой паршивой лужи? У вас, я так думаю, всё наоборот? – Джо зацепился за тему и пытался раскрутить канадца на разговор по душам, чтобы понять, что он за человек: ведь вахты тянуть придётся теперь вместе. И тот откликнулся:

– Да! Воды у нас хватает. Чего-чего, а этого добра хоть залейся. И скоро, говорят, будет ещё больше. Глобальное потепление. Таяние ледников и всё такое. Скоро её везде поприбавится.

– Кроме этой забытой богом дыры, – пока, не замечая акцент разговора, или делая вид, что не заметил, откликнулся Джо.

– Говорят, даже у русских теперь круглогодичная навигация вдоль их побережья Ледовитого океана, и они предложат желающим более короткий и дешёвый путь из Китая в Европу

---

⁸ Эдит Пиаф – знаменитая французская певица второй половины XX века.

и обратно. А Дания станет самым большим европейским государством, потому что ледяной щит Гренландии ускорил таяние. Если он растает полностью, мировой океан поднимется на семь метров и затопит многие прибрежные города! Грядёт глобальное переселение народов и вселенская катастрофа. . . – канадец сам не заметил, как увлёкся и тараторил, как из пулемёта, выдавая новые и новые сведения с интересом слушающему его собеседнику.

– Знаешь, что я тебе скажу, Пит? Мы с тобой в этом тоже виноваты, – и, предвзято неминуемый вопрос квебекца, рублено пояснил:

– Нефть! Вот оружие противника. Эта поганая бурая жижа, будь она проклята. Это всё она! А мы её добываем и, значит, тоже повинны в потеплении. Да и любой человек Земли, пользующийся благами современной цивилизации, тоже виновен в парниковом эффекте, – и, неожиданно рассмеявшись, задал вопрос, как будто самому себе:

– Что же теперь делать, а? Разогревать еду на костре, а любимую машину сдать на ближайшую свалку и вернуться в каменный век?

– Нет-нет! Ни в коем случае! Но надо использовать экологически чистые технологии, внедрять альтернативные источники энергии, – канадцу явно была по вкусу тема диспута.

– Да-да-да! Постой, да я где-то это уже слышал: электромобили и умные дома, обогреваемые шоссе и чистый не загазованный воздух. Я будто телевизор включил сейчас, – Джо вмиг помрачнел и посмотрел на своего попутчика так, что тому стало немного не по себе. – Никто же из этих парней не задумывается, что заряжает свой экологически чистый транспорт от розетки, электричество в которую вырабатывается всё на той же газовой или угольной ТЭС. А для того, чтобы выплавить несчастную тонну дюралюминия, так необходимую в технологичных конструкциях, нужно сжечь безумное количество природного газа в топках всё тех же тепловых электростанций. А ты в курсе, что люди живут не только в небоскрёбах и приятных кирпичных домиках с солнечными батареями вместо крыши и автоматически поливаемыми фиалками на лужайках? Они вынуждены жить в таких местах, где за счастье кубометр дров или ведро торфа, и все эти вопли яйцеголовых про глобальное потепление и потоп они даже никогда не слышали. Еда и вода для них – дар Божий: её у них много не бывает! И они в ноги поклонятся любому, кто даст им работу. А нефтепромыслы – это очень много работы!

Более-менее ровная и прямая дорога закончилась, и машина запрыгала, повиливая кормой в контролируемых поворотах.

– Знаешь, я действительно думаю, что человечеству нужно внедрять новые технологии и, наконец, оставить за спиной все эти малоэффективные тепловые двигатели внутреннего сгорания, которые чадят и смолят небо и окружающее пространство, повышая и без того колоссальный уровень парниковых газов. Всё это надо было оставить ещё в прошлом веке, но мы, похоже, с упорством баранов, тянем их за собой в двадцать второй век, – опрятный квебекец с досадой махнул рукой. – Мне, как технологу, это отлично видно, можешь поверить.

Собеседник понимающе покачал головой, но сделал акцентированный жест правой рукой:

– Всё так, мы здесь не пещерные люди, и ты говоришь правильные вещи. Но! – Он слегка перехватил дыхание, набирая побольше воздуха в лёгкие и готовясь изложить козырную контраргумент. – Друг мой, правда жизни в том, что тебе никто и никогда не даст просто так взять и закрыть тысячи химических заводов, предприятий по производству автомобильной резины и автомобильного топлива и ещё бог знает чего. Это офигенные деньжищи, даже представить не могу, какие! Это невероятные по выгодности и колоссальные по объёму производства, в которые затянута полчеловечества, и их нельзя просто так взять и выключить, руководствуясь лишь одной идеей о плохом самочувствии планеты. Эти ребята – владельцы концернов и корпораций – да они все чхать хотели на экологию. Им важна экономика!

Притормаживая возле очередного лежавшего на пути острого куска скалы, водитель усмехнулся и подмигнул коллеге, горестно поджавшему было губы и задумчиво уставившемуся куда-то в пространство:

– Кстати, Пит! Ты прямо здесь можешь начать бороться за уменьшение вредных выбросов в атмосферу и отправиться на базу пешком. Пара десятков миль на пронизывающем до нитки весеннем ветру охладят твой экологический пыл надолго, если не навсегда. Только не обижайся, но ведь надо начинать с себя, не так ли? – и показательно придавил педаль тормоза, – Ну как, будешь выходить?

Поймав в глазах канадца нешуточную растерянность, он снова прибавил газу и снисходительно улыбнулся:

– Мы оба с тобой работаем в этой самой системе. Ты готов сейчас написать заявление на увольнение, а? Нет? Вот и я нет. То-то и оно, брат. И никто не готов...

Синих теней на красноватых барханах больше не осталось, и над дорогой волшебным маревом заколыхался стремительно нагревающийся воздух, а камни казались теперь белыми от изнуряющей их солнечной радиации.

– Все мы рады рассуждать и критиковать, – водитель понизил температуру кондиционированного воздуха, пару раз сделав жест пальцем перед цветным меню дисплея. – А когда начинается процесс, поступаем так, как нам велит наше человеческое естество. Как этого требует инстинкт самосохранения. И мы оба знаем, что только так всегда и будет. Пока какая-то действительно невероятная встряска не приведёт всю нашу спокойную, зажавшуюся и разомлевшую жизнь в иное состояние. Вопрос только в другом...

Их взгляды пересеклись:

– Останемся ли мы после этого людьми, или мы станем кем-то ещё... А, быть может, нас вообще не будет?

Неловкая пауза затянулась на десяток миль. Каждый из ребят думал о своём. Внезапный выплеск сути природы вещей озадачил обоих. Один был убеждён в неправильности хода происходящих глобальных процессов, другой понимал то же самое, одновременно принимая их. Но оба были «в игре». Оба были лишь винтиками, комплектующими этого гигантского насоса.

– А здесь чёртова пустыня Гоби. И это – одно из самых гиблых мест на Земле! Продолжается так уже почти семьдесят миллионов лет. Полгода жара, песок, камни и ни капли воды. В следующие полгода – те же декорации, всё то же самое, с той разницей, что вместо жары – невероятный холод и дикие ветра, лёд и снег на барханах! Правда, последние десять лет всё встало с ног на голову, и привычные нам времена года как будто бы сдвинуло и перекосило: понятие «долгосрочный прогноз погоды» отменено. Теперь работаем по фактическому. Раньше в это время года не было так жарко. – Техасец глянул в сторону пассажира. Тот сидел, упорно делая вид, что ему всё равно.

– Вдобавок, само слово «Гоби» означает «безводное место»! Я до сих пор не понимаю, что людям в древности нужно было в таких богом забытых местах, как это? И кой чёрт они здесь селились? – внезапно разорвал Джо гнетущее молчание, получая явное удовольствие от возможности хоть с кем-то поболтать на родном языке. Да и не только поболтать, но и показать себя занятым старожилом, «аксакалом» этих мест!

Машина петляла между песчаных холмов, обильно посыпанных разнокалиберными камнями с острыми, как бритва, краями. Одно неверное движение рулём, и остановка на шиномонтаж собственными силами была бы обеспечена. А это не самое приятное занятие посреди пустыни. Тем более под безумными лучами стремительно восходящего солнца.

Солнце.

Ранним утром своими розовыми радостными лучами оно пробуждало жизнь и делало окружающий пейзаж не таким уж зловеще-унылым, как это было в самом начале, когда только-

только отъехали от железнодорожной станции Дзун-Баган, куда напрямиком из Улан-Батора доставил «молодого специалиста» выдавший виды, обшарпанный вагон местного транспортного оператора. А теперь оно, прямо на глазах, перерождалось в зловещего хищника, готового пожрать в этой пустыне всё, что остановилось и не нашло способа укрыться от его пылающего взора: дарующий жизнь, её же и забирает. Важен лишь момент обстоятельств.

– Сейчас-то понятно: все здесь ищут нефть! Спасибо мистеру Теннеру, который покопался в третичных отложениях сто лет назад, потом «Советы» сделали из местных равнин дуршлаг, набуриив сотни скважин, – не унимался «экскурсовод». – А теперь вот мы с тобой приняли смену.

– Ты здесь давно? – как бы нехотя, но из вежливости стараясь поддержать разговор, наконец спросил пассажир.

Местный, видя, что его труды не остались без внимания, заметно оживился:

– Да вот, считай уже пару лет. Вроде бы недавно, а как будто уже и полжизни. Настолько всё здесь однообразно и муторно.

Новичок на это ничего не ответил, и такое общение, «натянувшееся» из-за социально-экологических разногласий, не нравилось теперь уже самому Джо. Надо было срочно спасать ещё даже не начавшееся знакомство.

– А знаешь, я ведь из Техаса. И в некотором смысле многое мне напоминает здесь дом, милый дом. Тот же холод ночью, та же жара в полдень. И та же вездесущая пыль: она здесь везде. В ушах, на зубах и даже ... – И он многозначительно подмигнув, коротко крикнул. – И везде эти чёртовы скважины с насосами. В общем, всё, как дома. С одним большим «но»! Здесь ещё и платят отменно! А такой аргумент, согласишься, всегда радует! – сказав это, парень искренне повеселел и заразил своим смехом теперь и собеседника. Тот, поймав волну, тоже заулыбался и размяк. Контакт был налажен.

«Теперь будет с кем вечером в покер перекинуться за бутылочкой пивка», – почти одновременно подумали и тот и другой.

– Здесь такие, как мы, – большая редкость, – продолжал местный. – Специалисты наперечёт пальцев одной руки. Всем заправляют китайцы. А местные выполняют всю чёрную работу, «подай-принеси». И всё это за сущие гроши. Если бы я не копил на яхту, мог бы жить даже здесь, как король!

В этот момент машину занесло, и она немного дрифтанув, всё же жёстко вмазалась правым задним колесом в большой острый выступ скальной породы. Водитель смачно выругался, мешая техасскую брань с непонятными, вероятно местными диалектными «поговорками», и, постепенно тормозя, остановился. Сделал он это как можно плавнее, чтобы лишний раз не увеличивать и без того большое облако тончайшей невесомой пыли, поднявшейся за бортом в воздух, которым в следствие стремительного восхода солнца становилось и без того трудно дышать. Оба покинули прохладный кондиционированный салон с разными чувствами: один с недовольной озадаченностью, другой – чтобы размять ноги и оглядеться. А, значит, все-таки с некоторым интересом.

– Ты представляешь, однажды они предложили мне целый бассейн воды! – и, видя недоверие в глазах товарища, поправился: – Ну, речь о надувном таком бассейне, знаешь, детский такой? Так вот, всего лишь за десять баксов! И это посреди пустыни! А я возьми, да согласишься, – он подошёл к проблемному колесу, пару раз ударил по нему носком ботинка и скептически осмотрел диск. Затем достал баллонный ключ и проверил один за другим крепёж каждого из болтов.

Пассажир тоже с интересом наблюдал теперь за его тестовыми манипуляциями. Становилось нестерпимо жарко, и мелкий пот выступил прозрачными бисеринами на бледном лбу канадца, а крупные капли уже начинали стекать за ворот, создавая большие тёмные пятна влаги на красивой рубашке. Он стоял и переминался с ноги на ногу в лёгких макасилах на босу ногу.

«Э-эх! – подумал Джо, – так ведь он ещё долго не станет моим сменщиком. Парень абсолютно без понятия».

– Здесь такая обувь не пойдёт – от песка жар! Местные вон вообще в сапогах ходят. А некоторые ещё и в халатах ватных. Вон нестерпимая от них! А им хоть бы хны. Толстая подошва помогает, – и, подумав, добавил: – Сапоги и от змей тоже хороши.

– Здесь и змеи есть? – озадаченно встрепнулся пассажир, начиная нервно осматриваться под ногами и по сторонам.

– А как же! Есть и змеи, и скорпионы... и кто похуже, говорят, тоже есть, – он понизил голос почти до шёпота, будто разговаривал теперь сам с собой. – Местные приезжих всякими страшилками пугают. Обратней всяких и чёрных собак у них здесь, ясное дело, нет. Так они другое придумали... – и испытующе-внимательно посмотрел на собеседника. Затем, как ни в чем ни бывало, занялся снова балонником и внешней муфтой подключения полного привода.

Проверив таким образом от души приложенное к скальному выступу колесо и не найдя повода для паники, местный посмотрел на товарища из-под поднятых ко лбу солнечных очков и, подмигнув, улыбнулся:

– Во, русские делают тачки! Загляденье! Мощные, как наши, выносливые, как «Дефы», дешёвые, как «китайцы» для внутреннего рынка. Компания который год уже закупает их для экспедиций. Я на них и на Аляске ездил – отличная машинка, много железа! «Патриот» называется, – и слегка похлопал ладонью по раскалённой стали кузова внедорожника.

– Упс! Уже накалился. Солнце тут взлетает, как из пушки, и начинает жечь, как огнемет. Ребята говорят, что глазунью можно без сковородки на капоте жарить! Я не пробовал, но вполне верю.

И вдруг, как будто вспомнив о чём-то, мгновенно поменялся в лице. Остановился, снова машинально опустил на кузов руку, но тут же отдернул ее, слегка потирая обожжённое место и всё так же о чём-то вдумчиво размышляя. Прошла минута-другая, американец не двигался с места. Затем, неожиданно быстро придя в себя, облегченно вздохнул и, как ни в чем ни бывало, полез в прохладную кабину.

Питер все это время, молча, слушал его, но, увидев столь неожиданную перемену в поведении товарища, неуютно поежился и даже опасливо огляделся вокруг: « О чем этот парень тут завел – «другие»... что за другие такие?»

Движок не выключали, поэтому в кабине было радостно прохладно после нестерпимого жара «улицы». Внутри канадец тоже оживился, а, получив банку содовой из охлаждаемого бардачка, вообще разомлел. Машина постепенно набирала ход.

За окном появились разбросанные тут и там между барханов и каменистых сопков, качающиеся эксцентрики маховиков огромных скваженных насосов. Их были десятки. Банка с ледяной содовой быстро опустела и придала силы пытливному уму приезжего:

– Слушай, так что с бассейном-то? Он у тебя и сейчас там? – в его голосе сквозила явная надежда на халявную ванну после удушающего жара пустыни. Но ответ его не обрадовал.

– Да какое там! Только эти ребята мне всё налили, а я приготовился кайфануть и забить косячок, приезжает мой тогдашний босс, – ты подумай! И, увидев такое чудо, радостно спускает штаны и ныряет, как тюлень, прямо в мой бассейн. Ты понимаешь? Он там хрюкал и пукал, наверное, полчаса. А мы все, радостно улыбаясь, стояли и смотрели на его заплывы. Он своей толстой задницей одной воды расплескал баксов на семь! – было видно, что вспоминать это парню было не очень приятно, но он всё же рассказывал. И по его загадочному, чуть помрачневшему виду можно было предположить, что конец у истории не был в стиле «хэппи-энд».

– А почему «тогдашний» -то? – ловя момент, уточнил слушатель, и оказалось, что попал в точку...

Местный подбросил газ, посмотрел парню прямо в глаза. Чуть нервно сглотнул и, понизив голос, проговорил:

– А потому, что его больше никто не видел после этого...

– Как это, не видел? Куда же он делся? – не понял тот, внутренне немного напрягшись.

– А так. Знаешь, здесь девчонки есть местные такие. За десятку всё, что хочешь, сделают. Подходишь к ней, а впечатление такое, что она спит на ходу: голова слегка опущена, а глаза такие узкие, что кажется, что они их всегда закрытыми держат. Так вот, а тут сама ко мне такая подходит. Я даже не знаю, откуда она на объекте взялась тогда. Подходит и говорит так тихо-тихо: «Знаю, мол, что обидел тебя он. Скажи мне, и его заберёт...»

Тут его веки как-то покраснели, а глаза заволокло слёзной пеленой. Он вцепился в баранку побелевшими пальцами и долгим взглядом посмотрел на собеседника.

– У местных есть такая странная легенда. Будто живёт в этих песках «хозяин пустыни», и кто ни встретится ему на пути, тотчас погибает и исчезает, словно его и не было никогда, – машина, почти не подгоняемая педалью акселератора, к тому моменту почти остановилась. И вовремя: рассказчик точно обомлевший смотрел невидящим взглядом пустых глаз куда-то мимо собеседника. Весь он как-то напрягся и вцепился мёртвой хваткой в руль.

Канадцу и впрямь стало не по себе от его разговоров, но переспрашивать он не рискнул, видя, какое впечатление произвёл на говорящего его же собственный рассказ.

– Так вот, до базы с нашего объекта босс не доехал. Вскоре нашли его машину в пустыне. И следы его рядом: он облегчиться вышел. Но рядом были и другие следы.

– Какие это следы в такой-то мёртвой пустыне? – слушатель почувствовал, что волосы у него на затылке стали потихоньку вставать дыбом, а кожа на спине покрылась мелкими пупырышками.

Они теперь тоже стояли посреди барханов совсем одни. На всякий случай Пит уже приготовился дёрнуть ручку двери и бежать... Да куда здесь убежишь-то?

Джо всё так же зловеще-ровно продолжал:

– А следы то ли огромной змеи, то ли... не пойми, кого. И будто волокло оно что-то за собой в пески... – судорожно сглотнув, говоривший всё ещё смотрел в одну точку, почти не мигая, смотрел.

– Монголка та сказала мне, чтобы я просил Олгой-Хорхой⁹! Хозяина пустошей и врага всего живого на земле.

– И... попросил?

– ... Да! Сдуру...

– А кто это, «хорхой» -то этот?

– ... Кто? А-а... червь это, огромный. Червь.

Звонящая зловещей тишиной пауза возникла в машине: двигатель от долгой стоянки на холостых оборотах отключился автоматически, и теперь вокруг была одна лишь мёртвая тишина.

Канадец первый пришёл в себя и, слегка похлопав товарища по плечу, как можно будничнее проговорил:

– Хорош! Поехали! – а про себя подумал с неприятной дрожью где-то внутри: «Сапогами тут явно не отмахнешься...»

---

⁹ Олгой-Хорхой – таинственное червеобразное существо. В легендах монголов – обитатель самых малонаселённых уголков пустыни Гоби.

Точка отсчёта

Утреннее путешествие двух новоиспеченных приятелей подходило к концу. Очень скоро началась приличная, разъезженная грейдером свежая просёлочная дорога. Невдалеке показались крыши каких-то невысоких строений, ангаров, складских помещений, огромные шайбы хранилищ и... дым. Чёрные клубящиеся комья медленно восходили из разных уголков базы так, как если бы её разом подожгли в нескольких местах. Пожары ещё только разгорались, и небо над прииском пока не было затянуто непроницаемой мглой. Наглухо закрытые окна «Патриота» еле пропускали вой противопожарных серен.

– Это что ещё за черт? – Джо что есть мочи притопил акселератор, и внедорожник, натужно взыв движком, рванул во весь опор. Через пять минут они буквально влетели на территорию нефтепромысла. Отчаянно затормозив прямо перед большим административным корпусом, автомобиль взметнул целую тучу мелкой белёсой пыли, которая при почти полном отсутствии ветра так и повисла в воздухе вокруг него, создав непреодолимую для глаза завесу. Не дожидаясь, пока она рассеется, Джо рванул ручку двери и выбежал на площадку.

В воздухе стоял густой жирный смрад горелой нефти. Квакающе завывала основная тревожная сирена на здании администрации, ей в унисон вторили сразу несколько дополнительных, в разных концах посёлка, надрывно вторгаясь в мёртвую тишину обезлюдевших площадок. Оба парня чуть отошли от автомобиля и теперь в растерянности мялись посреди площади, силясь понять, что происходит: не было видно ни одного человека, спешащего на тушение пожара. Никто не выходил и не заходил в многочисленные двери и ворота мастерских, складов и жилых модулей. Не двигалась ни одна машина, кои во множестве были припаркованы тут же, на площади. Не работала специальная техника. Кругом не было вообще ни души.

Совершенно не понимая, что здесь могло произойти, но уже догадываясь, что ситуация крайне не стандартная и даже вполне возможно, критическая, Джо стал внимательно всматриваться в детали окружающего их пространства: нет ли чего явно необычного? Помимо странного, абсолютного исчезновения людей из городка, вроде бы ничего не тронато – все на месте. И тут американца словно током прошило. Его намётанному глазу хозяйственника там и тут стали представлять странные картины, больше похожие на кадры из зомби-фильмов, чем на рабочие будни подконтрольного ему объекта.

Под отдельными машинами, у стен домов и в кабинах специальной техники лежали, сидели или привалились к ним, покрытые тонким слоем песчаной пыли... люди. Но они были абсолютно неподвижны, будто застывшие. И что-то говорило парню, что им уже не подняться никогда. Часть из них имели явные глубокие рваные раны на разных частях тела, у одного неестественно повисшая рука крепилась к плечу лишь с помощью сухожилия. Ближе остальных к ним сидел давнишний его знакомый с соседнего прииска. Да вот и машина его стоит. Только выглядел он как-то не очень... с головой, скатившейся на колени, прямо к себе в руки, смотревший теперь на этот мир широко раскрытыми, навсегда застывшими мёртвыми глазами.

– Это ты... к-куда меня п-привёз? – только и смог выдавить из себя обомлевший и начавший вдруг нервно заикаться канадец. Цвет лица его говорил, что ему осталось совсем не далеко до состояния разбросанных вокруг трупов. Он пытался оглядеться, чтобы увидеть хоть кого-нибудь, кто объяснит ему, что всё это значит. Но не найдя никого, просто взялся за плечо товарища и стал судорожно трясти его:

– Это что з-здесь у вас? Джо! Где в-все? – он посмотрел на столь же обалдевшего приятеля, но вдруг как-то истерически заблеял и глупо заулыбался:

– А-а-а! Всё-всё-всё... Я понял! Это у вас тут традиция такая. Я прав? Проверяете новичка? Да-да! Обряд инициации... – и неожиданно быстрым, уверенным шагом Пит подошёл к двери административного корпуса.

Возле самого входа, прислонившись спиной к стене и неестественно разбросав по сторонам полусогнутые ноги, сидел огромный бородатый здоровяк. Его белая полинялая от солнца футболка оказалась испачкана чем-то чёрно-бурым, по диагонали, от правого плеча к левому подреберью. На голове была бейсболка, надвинутая на самые глаза, поэтому казалось, что он прикемарил на солнышке, привалившись к стене.

– Эй, дружище! Ваш небольшой, но весёлый коллектив так встречает каждого нового инженера? Мне сплясать или проставиться в местном ба...? – он для верности потряс мужчину за плечо, да так и обмер, не договорив: верхняя часть рассеченного наискось тела тяжёлым кулём рухнула на колени трупу, другая осталась покоиться безумным недвижимым обрубком.

Пита скрючило, лицо позеленело, и весь ранний завтрак канадца оказался тут же, у ног кошмарного трупа, дополнив и без того inferнальную картину тошнотворным запахом. Пока бедняга боролся за свою собственную жизнь, подавляя дикие спазмы в животе и пытаясь вспомнить: где у него голова, а где всё остальное, Джо, проявивший большее хладнокровие и выдержку, медленно подошёл к погибшему и, низко наклонившись над местом «среза», пристально осмотрел его. Повременив немного и будто в чём-то сомневаясь, он встал. Всё ещё внимательно разглядывая труп, он что-то вдумчиво бормотал. Наконец, пришедший в себя канадец уловил обрывок фразы:

– Но... почему на их ранах нет крови?

Осторожно толкнув дверь, Джо очень тихо, почти бесшумно зашёл внутрь офисного корпуса. Теперь все его движения были по-военному выверены и точны, а на лице застыла рачитая сосредоточенность. Он, в отличие от канадца, служил когда-то на флоте, в морской пехоте, и вот теперь годами наработанные навыки вдруг неожиданно пригодились. Моментально пробудилось и умение взять себя в руки во внезапно возникшей стрессовой ситуации.

В коридоре, ведущем к центральной лестнице наверх, было тихо. Нигде ни души. В самом его конце, неуклюже привалившись к двери одного из офисов, абсолютно без каких-либо признаков жизни лежала женщина. Понять, что это именно женщина, было почти невозможно, если бы ни роскошные некогда русые волосы погибшей. Сейчас они спутавшимися и отвратительно перепачканными пуками были разбросаны вокруг того, что ещё совсем недавно выглядело милым личиком, а теперь – сплошным бесформенным месивом почерневшей мёртвой плоти. Буквально остолбенев, Джо рухнул на колени перед трупом, прикусил до крови руку и тихо, почти беззвучно зарыдал, содрогаясь всем телом и ловя через спазмы уходивший из лёгких воздух: на безымянном пальце почти оторванной левой руки виднелся золотой лучик тоненького колечка с большим, чистой воды бриллиантом. Вчера он сделал Элис предложение...

К тому моменту Пит уже более-менее успокоился и, последовав за своим новым знакомым, как можно тише прошёл по коридору. Он осторожно приблизился к Джо, застывшему каменной глыбой возле изуродованного, бездыханного женского тела, и тронул товарища за плечо.

– Наверное, надо позвонить властям? Это могут быть бандиты или террористы? – канадец выглядел бледным, но взгляд был твёрдым и осмысленным, – Как думаешь, что здесь произошло?

Американец в безумном бессилии скрежетнул зубами, пошатываясь поднялся с колен и, стараясь не смотреть на парня, украдкой стёр сухой жёсткой ладонью показавшиеся слёзы. Вытер руку о колено и, подойдя к пожарному щиту на стене, осмотрел его. Затем, сняв багор и топор, внимательно примерился к ним. Багор он протянул Питу, а сам, взвесив в руках, понадёжнее обхватил изогнутую рукоятку большого пожарного топора. Затем, будто вспомнив

что-то, резко, со свистом выдохнул воздух, и жёсткие желваки заиграли на загорелых скулах. В глазах сверкнул огонёк яростного ожесточения.

– Кто бы это ни был, он заплатит по полной. Ни сейчас, так позже. – Джо призывно махнул рукой товарищу и, выйдя на лестничный марш, быстро начал подниматься наверх:

– Прежде всего, нам нужна связь, чтобы сообщить о случившемся и вызвать помощь. А дальше – по обстоятельствам. Центр связи на самом верху, на третьем этаже. Дверь сразу по коридору прямо. Помещение оборудовано изолирующей бронекapsулой на случай нападения. По местным меркам – почти что крепость. Будем надеяться, что хоть там кто-нибудь остался в живых.

Молодые люди, стараясь не шуметь, очень быстро проскочили шесть лестничных маршей. Выйдя снова в коридор, но уже на третьем этаже, прямо на входе они наткнулись ещё на двух погибших. Тело одного развалилось пополам, а вот другой, если бы не неподвижность и мертвенная бледность лица, мог сойти за живого. Привалившись спиной к стене и неестественно широко разбросав в стороны длинные ноги, он сидел, уронив голову на левое плечо. В мускулистых руках намертво был зажат короткий охотничий карабин. Джо присел рядом с ним, попытался разомкнуть пальцы, сжимавшие оружие, но не смог. Смерть точно металлом сковала руки бедняги.

– Прямо какое-то аутодафе массовое, – очень тихо, почти шёпотом проговорил Пит. И, заметив, что его не совсем поняли, уточнил:

– В средние века святая инквизиция¹⁰ применяла остракические казни с использованием разных кошмарных приспособлений, типа «испанского сапога» и дыбы. Осуждённых пытали и казнили с изощрённой жестокостью, а пытки были просто запредельные и превращали людей примерно в то, что мы с тобой наблюдаем здесь. – Он с горечью посмотрел в сторону лежащего дальше по коридору трупа мужчины: лица у него просто не было, точно его срезали большим ножом, начиная со лба и до нижней челюсти.

– Зачем...? – тихий, едва слышный шёпот Джо повис в воздухе. Невольные слёзы дрожащей пеленой закрыли свет, а в горле встал ком горестного отчаяния.

– Что – «зачем»?

– Зачем они это делали? Людей уродовали? – теперь в ледяном голосе американца пылало желание отомстить.

Пит, вероятно, поняв вопрос по-своему, ещё раз внимательно посмотрел на изувеченный труп и, отвернувшись, устало выдавил:

– Изгоняли дьявола...

– Странно... Бронестворка не опущена. Видимых повреждений нет... Маловероятно, что террористы, если это они, не знали про аппаратную. – Джо внимательно осмотрел полотно двери и замок. – Правда, может, они просто не успели добраться сюда. А как же тогда те ребята? Кто-то ведь их убил?

И он кивнул в сторону мертвецов, лежавших у входа на этаж.

Осторожно взявшись за круглую ручку двери с табличкой «Центр связи» Джо посмотрел выразительно в глаза товарищу: мол, «готов?», и сжал плотнее рукоятку топора. Дверь оказалась запертой.

– Эй, парни! Там есть кто-нибудь? – Негромко произнёс Джо, тихонько постучав костяшкой пальца по полотну. – Это я, Джо Трой, главный буровой мастер. Я привез нового технолога. Кроме нас двоих здесь больше никого нет... Откройте!

Услышав в ответ тишину и ещё немного покрутив и подёргав ручку, он молча сделал напарнику жест головой в сторону двери. Питер на манер фомки вставил багор в зазор при-

---

¹⁰ Инквизиция – (в переносном смысле) изощрённая пытка, истязание, обычно приводящее к смерти.

толоки и приналёг. Сухой треск показал, что задача выполнена, – проход в центр связи был свободен. Парни молча вошли.

– Ерунда какая-то...! – В недоумении огляделся Трой. – Заперто было изнутри, но здесь никого нет. А на окнах решётки.

Закрывать за собой дверь было бесполезно: замок был отжат, и воспользоваться им теперь вторично, без ключа, не представлялось возможным. Оставалось надеяться, что в здании действительно никого из убийц не было, и их никто не услышит. Быстро подойдя к компьютерному терминалу, Джо активировал его и стал искать настройки рабочих частот станции дальней связи. Тем временем Пит нашёл на столе спутниковый телефон. Поставив автодозвон на первый пришедший в голову тревожный вызов, он стал шарить по шкафам и ящикам в поисках любых других средств связи, но, не найдя даже элементарного сотового, молча опустился на стоявший у большого запертого металлического шкафа-сейфа стул. Спутниковая связь работала, но с какими-то странными перебоями. Сильные помехи были и с радиоканалами. Джо вывел их на динамики, понизил до минимума громкость воспроизведения, и эфир залился странными, ранее никогда не слышимыми трелями и завываниями.

– Я не понимаю... – бывший морпех обхватил голову руками и напряжённо всматривался в дисплей, – Когда я служил, нас учили, что такое бывает, только если средства РЭБ¹¹ активно глушат все частоты, или где-то рядом сильный источник радиации. Очень сильный. – Он поднял голову и устало помассировал лоб, – Подожжённый посёлок, десятки погибших, убитых однозначно не из огнестрельного оружия. Всё это следы явного нападения. Но зачем тогда оставлять после себя непостижимо обезображенные трупы? Если грабишь – время дорого, не до таких изуверств. Конечно, надругательство над мёртвыми или способ их умерщвления вполне могут быть частью варварского ритуала какого-нибудь местного племени. Но тогда причём тут неработающая связь? Скорее, похоже на какой-то дикий ритуал современных сатанистов. Или всё-таки источник их гибели – не человек...?

Эти очень тихо, словно про себя, произнесённые слова тысячетонной кувалдой ударили по голове своим звенящим отчаянием и безнадежностью. Невидимый и неизвестный враг прятался теперь в каждом углу, и каждый поворот коридора мог оказаться последним в жизни парней. И это было реальностью.

В окне вся, как на ладони, открывалась обширная территория посёлка нефтяников. Там и тут постепенно разгорались пожары, заволакивая густым едким дымом жилые домики и технические помещения. И по-прежнему вокруг не было видно ни одного живого человека.

Пит недолго всматривался в этот безрадостный вид. Через минуту он отошёл от окна и с досады легонько приложил ладонью о массивный металлический шкаф:

– Эх, что за нелёгкая меня сюда занесла? Надо было ехать работать на арктический промысел Прудо-Бей. Да захотелось вот на солнышке погреться...

Он не договорил, как вдруг припал ухом к металлической стенке шкафа, на которую оперился правой рукой. Сделав выразительное лицо, он показал Джо глазами на сейф и поднёс указательный палец к губам: «Тс-с-сс!». Тот как можно тише подошёл к массивному шкафу и тоже приложил ухо к дверце. Внутри явно ощущалось тихое, еле ощутимое шевеление.

Пит тут же отпрянул от сейфа, а Джо, осторожно взяв свой топор, повернул его обухом вперед, размахнулся и что было силы вмазал им по металлу. Раздался оглушительный гул, многократным эхом прокатившийся по многочисленным коридорам здания. А вслед за этим дверцы распахнулись, и прямо на изумлённых товарищей кубарем выкатился какой-то совсем маленький человечек. Пит схватился за свой багор, а Джо в полной готовности держал на вытянутых руках топор и уже замахивался им, но внезапно замер и с нескрываемым облегчением

---

¹¹ Средства РЭБ – средства радиоэлектронной борьбы.

опустил его. Прятавшийся в шкафу что-то заголосил на непонятном наречии и, вытянув руки ладонями вперед, будто закрываясь от удара, зажмурил узкие щёлки глаз. Маленький человек оказался здешним рабочим, местным из наёмного персонала. Джо даже показалось, что он видел его пару раз у себя на участке.

Монгол выглядел ужасно напуганным, постоянно шептал непонятные слова и истоиво воздевал руки к небу. Всё это смахивало скорее на какие-то заклинания, чем на попытки объяснить случившееся в посёлке. Он показывал на окно, хватался обеими руками то за голову, то за горло и выразительно скалил свои невероятно кривые жёлтые зубы, делая при этом разнообразные как можно более устрашающие рожи. Наконец, сообразив, видать, что так его никто не понимает, он постарался подобрать знакомые ему слова на английском:

– Они пришли! ... Всех убьют. Отбирают жизнь, – и, не найдя других слов, схватил за руку Джо и встал перед ним на колени, – Спасите меня! Помогите мне! Я не хочу умирать.

Оба товарища, глядя на эту дьявольскую полупантомиму и не понимая, о чём или о ком говорит обезумевший от страха человек, попытались было успокоить того:

– Постой, скажи нам: кто всё это сделал? Ты понимаешь меня? – обменялся взглядами с Питом, – Кто убил людей? Кто? – добавил он уже на местном наречии.

Маленький человек быстро закивал головой, снова схватил обеими руками Джо за запястье и, смотря ему прямо в глаза, пролепетал по-монгольски, еле сдерживая дыхание:

– Хозяин пустошей! Забирающий жизнь... – и тут внезапно глаза его расширились, рот искривила гримаса ужаса, а лицо застыло в смертельной судороге. Он вскинул руку, указывая куда-то за спины товарищей, в сторону взломанной двери.

– Олгой-Хорхой! – услышали они булькающий, едва слышный лепет монгола и почувствовали, что волосы на затылках у них встали дыбом. За их спинами у двери послышалось лёгкое шуршание и потрескивание, а в воздухе сильно запахло... озоном, как перед грозой.

Не сговариваясь, одновременно как можно медленнее и не делая резких движений, Джо и Пит начали поворачиваться в сторону двери. Картина, которая предстала их глазам, была настолько сюрреалистична, что оба, как вкопанные, замерли на месте, потеряв дар речи и способность к движению. В эти последние секунды ранее такие уверенные, образованные, пышущие жизнью, а теперь абсолютно обездвиженные леденящим ужасом молодые люди отчаянно пытались понять, что же такое они видят сейчас перед собой? Что за невероятное существо всё-таки нашло их... И теперь бедняг, скорее всего, постигнет участь всех тех, кто погиб здесь этим ранним утром.

Плавными перекатами увеличивающееся в размере, точно набухающее, всё выше и выше, к самому потолку комнатки поднялось нечто, заполнило коридор перед дверным проёмом, перекрывая людям единственный путь к отступлению. И важно было даже не то, что представляло из себя это нечто. Люди вдруг поняли, что именно произойдёт с ними через мгновение. Они вспомнили трупы на площади и в коридорах. Отвратительное мертвенное оцепенение накатило мутной волной. Их такое, казалось бы, ясное сознание современных гомо сапиенсов, скептически относящихся к любой мистике и с готовностью принимающих всё сугубо материальное, начало стремительно затормаживаться и меркнуть, судорожно готовясь к неизбежному.

Существо нависало теперь над ними в позе атакующей кобры, а вокруг стояла абсолютно зловещая тишина. Было лишь слышно, как тихо потрескивают суетливо разбегающиеся голубоватые сполохи плазмы на фоне серо-чёрной колышущейся массы его безобразного червеподобного тела.

Все и всё находящееся в комнате замерло. Время для людей замедлилось и почти застыло. Перестало отсчитывать часы и минуты и, как будто давая насладиться прощальным вдохом, приготовилось отмерить последнее мгновение жизни. Последний раз подумать, последний раз вспомнить, последний раз проститься...

Мозг отчаянно цеплялся за оставшиеся доли микросекунд своего существования, будто имел на то право и возможность замедлить неумолимый бег времени. Но уже неизбежно, наперекор ему, в эту густую липко-тягучую мёртвую тишину из ниоткуда начал вползать странный, не понятный и вместе с тем такой знакомый звук: сначала еле слышный, он становился всё громче и насыщеннее, постепенно заполняя своей природой всё пространство вокруг. И в тот момент, когда люди поняли, что это был за звук, а их собственные ужасные предсмертные хрипы должны уже были слиться в унисон с криками десятков жертв, забранных чудовищем раньше, ... со стороны лестницы кто-то зычно гаркнул:

– Получай, тварь!

Почти одновременно раздался выстрел.

Инстинктивно отшатнувшись, все трое подались назад. Джо, ища рукой опору на столе, ощутил под ладонью большую округлую шляпку тревожной кнопки и приналёг на неё. В дверном проеме сокрушительным лезвием гильотины рухнула бронированная створка защиты. Мгновенно ударивший в неё, словно паровой молот, мощнейший взрыв снаружи был такой силы, что прочнейший металл прогнулся в комнату со стороны коридора, словно надутый шарик. Но, защита не поддалась и выдержала. Ошарашенные счастливики, кубарем скатившиеся под столы, теперь трясясь и озираясь по сторонам, медленно поднимались с пола. Со стороны входа больше не было никаких попыток преодолеть покорёженную бронестворку, и люди стали потихоньку приходить в себя.

В этот момент сквозь толстые бронированные стёкла окна донесся глухой рокот подлетавшего к посёлку массивного транспортного вертолётa.

Деревянные горы

13.03.2030, 4 часа ночи (местного времени).

Северный Ледовитый океан.

Новосибирский архипелаг

29 часов до временной отсечки «X»

Медленно, очень медленно напозла чёрная тень на прибрежную отмель...

Неслышно скользя под припайным льдом в миле от берега, огромная, почти плоская лента плавно изменила вертикальное положение на горизонтальное. И уже так, плашмя, слегка извиваясь, точно невероятная минога, продолжила своё таинственное движение.

Остров был метрах в трёхстах, когда глубина под брюхом неведомого обитателя глубин закончилась, и нижний вертикальный плавник то и дело чиркал по неровному скалистому дну, отчего вся громадная плоская туша глухо содрогалась в резонансе. Внешне ЭТО напоминало огромную широкую доску для сёрфинга, глянцево-чёрную, почти в шестьдесят метров длины, но с неожиданно большим утолщением на самом носу и вертикальным, как у акулы, хвостом. Вся разница была лишь в том, что хвостовой плавник большей своей частью был отклонен вниз, и теперь, когда он практически упёрся в дно, дальше продолжать движение незамеченным возможности уже не было. Огромное нечто остановилось и очень плавно и тихо полностью опустилось на грунт...

Абсолютно беззвучно, без пузырей и всплесков от странного объекта отошли два более мелких, по форме и цвету почти копии большого. Такие же плоские и чёрные. Они стремительно направились к острову, а достигнув его, без особых усилий взломали толстый прибрежный сплочённый лёд, рассыпав при этом по его поверхности два коротких снопа голубоватых искр. И уже, явно опасаясь быть обнаруженными в ненадежной оранжево-лиловой пелене густых сумерек, крайне осторожно, но быстро поползли по прибрежной смеси гальки и круп-

ного песка; чуть извиваясь гибкими телами и стремясь как можно быстрее и незаметнее достигнуть глубоких сугробов...

От самого мыса Барроу, что на севере Аляски, и до мыса Челюскин полуострова Таймыр раскинулось гигантское поле Арктического шельфа. Почти пять миллионов квадратных километров ровного подводного плато – напоминание о беспредельных по размерам территориях подтопленного в незапамятные времена мега-материка. Шельфовый стол дна в этой части Ледовитого океана абсолютно однообразен и по структуре и по глубине: на многие сотни миль вдоль бесконечного северного побережья Восточной Сибири исследовательское судно обнаружит под ватерлинией лишь немногим более тридцати-сорока метров воды. Во многих местах и вовсе около пятнадцати. Ни укрыться, ни спрятаться крупному подводному объекту не удастся: огромное поле для гольфа, каждый игрок на котором прекрасно видит и слышит, куда, в какую лунку был послан мяч.

Несколько лет назад, из-за стремительного и безудержно накотившего на арктические зоны глобального потепления, Северный морской путь стал практически круглогодичным. Мощный современный ледокольный флот хозяина здешних морей – России и глобальное изменение климата, не договариваясь, помогая друг другу, превратили его в шикарную трансконтинентальную трассу, настолько скоростную, что суда с Дальнего Востока проходили по нему в Атлантику почти в два раза быстрее, чем южным маршрутом, через Суэцкий канал. За навигацию же и безопасность вдоль всего пути следования отвечали многочисленные посты береговой охраны, снабжённые новейшими вооружёнными спасательными судами ледового класса, и военные базы, разбросанные тут и там по всей Арктике. Возведённые по самым современным, практически космическим технологиям знаменитые арктические «трилистники»¹² Министерства обороны России, не смотря на лютый холод, расцветали теперь буйным цветом и на материковой части, и на многочисленных океанических островах – в зонах территориальных интересов Федерации.

Вот одним из таких наиболее оживлённых и востребованных мест в Арктике стал теперь архипелаг Новосибирских островов. Открытый русскими мореплавателями ещё в восемнадцатом веке, он был представлен миру при загадочных, почти мистических обстоятельствах: якобы именно отсюда знаменитый промышленник и предприниматель, ярый радетель государственного освоения арктических территорий Яков Санников¹³ в 1810 году увидел далеко на севере «дымы загадочной земли», впоследствии названной его именем...

Таинственного материка, сколько не искали впоследствии, так и не нашли, а вот территории в этих местах Ледовитого океана попутно изучили хорошо. А теперь и осваивали вовсю.

На острове Новая Сибирь, в отличие от соседнего острова Котельного, не стали строить крупных объектов Министерства обороны и серьёзной инфраструктуры. Он сохранил практически первозданный ландшафт, похожий на вогнутое к центру блюдо, многочисленные реки и озёра. И теперь целиком был отдан на освоение разношёрстной научной братии: Российской академии наук, различным НИИ¹⁴, экспедициям геологоразведки и палеонтологам. Пролит Благовещенский, разделивший два этих крупнейших острова архипелага, в самом узком месте имел серьёзных тридцать два километра, поэтому на летний период наладили воздушное сообщение между ними и материком. На Котельном быстро отстроили заново красавец-аэродром «Темп», возведённый здесь ещё в советские времена, но затем незаслуженно заброшенный, превратив его теперь в стратегический – способный принимать любые типы самолётов. Даже сверхтяжёлые транспортники. А вот на соседнем «заповеднике» оборудовали лишь стационарную вертолётную площадку, да и то придали её небольшой мобильной Станции ракет-

---

¹² Арктические трилистники – новейшая архитектура автономных арктических полярных станций.

¹³ Яков Санников – русский купец и путешественник, XVIII века.

¹⁴ НИИ – научно исследовательский институт.

ного зондирования атмосферы (СРЗА). Объект стал полновластным наследником скромной метеостанции, расположенной здесь ещё в двадцатом веке и так же, как и она, получил странное, почти романтическое название «Утёс Деревянных гор».

Широты, на которых был расположен архипелаг, всегда отличались суровым нравом: девять месяцев в году здесь лежал снег, и при желании, на материк можно было прокатиться по ледяному «мосту», связывавшему острова с большой землёй с осени по весну включительно, прямо на вездеходе. А у местного лета были свои причуды: хорошо, если околонулевая температура, промозглые морозящие дожди с пробирающим насквозь ветром. Но чаще и этого не получалось. Погода и раньше-то не баловала решившихся обосноваться здесь, а с наступлением серьёзных климатических изменений на всей планете всё чаще и чаще стали наваливаться внезапные запредельные шторма и безудержные вихри. Мир безвозвратно менялся прямо на глазах. И это было уже необратимо.

Снежные бураны неожиданно в ночь засыпали трёхметровыми сугробами всё вокруг, чтобы на следующий день яростные ветры подняли всё это белое безумие и унесли далеко на материк, развеяв там над бескрайними просторами Сибири. Такие бури могли бушевать по неделям, а могли проходить и одним днём. Метеорологи и сейсмологи трудились здесь, не покладая рук, запуская в небо аэростаты и исследовательские дроны, производя хронометраж, различные замеры и анализ геомагнитной обстановки, пытаясь дать точные прогнозы хотя бы на сутки-двое. Их работа была крайне необходима и как никогда важна для всех жителей Арктики.

Но были на станции и другие специалисты, деятельность которых надёжно скрывалась на жёстких компьютерных дисках, сдаваемых ими ежесменно в сейф «особисту», и которую никто из них никогда не обсуждал в присутствии посторонних...

Вот и теперь, в столь позднее время, вернее в этом случае сказать раннее, на СРЗА «Утёс Деревянных гор» кипела работа. Готовились к практической отработке регламента запуска новейшей, самой мощной из имеющихся на сегодняшний день, геофизической резонирующей ракеты. Если расчёты окажутся правильными, эти ракеты смогут успешно противостоять, нейтрализуя их ещё в зарождении, гигантским вихрям и торнадо, которые всё чаще и чаще стали появляться над Сибирью. Там, где их отродясь не видали.

Вся станция, собственно говоря, представляла своеобразный шестиугольник, соединённый между собой гибкими сочленениями коридоров-гармошек. А в центре этой «соты», стоявшей на гидроопорных лыжах, находился круглый модуль с аппаратным залом управления запусками и координацией.

В нём и пребывала сейчас не только дежурная смена: семеро из десяти членов «Особой научной экспедиции номер два» бодрствовали – пятеро были заняты обсуждением технических данных запуска, а оставшиеся двое начинали потихоньку готовиться к отъезду. «Специалисты», в отличие от троих метеорологов, которые в своё время, задолго до остальных исходили здесь все окрестности «автоногами» и знали на острове каждый камешек (и теперь спокойно отдыхали у себя в импровизированном балке), были, что называется, людьми «пришлыми», и по острову пешком практически не передвигались, исследуя и осматривая его исключительно виртуально: сидя в центре координации за пультами управления дронами. Соответственно и нюансы острова Новая Сибирь им знакомы были не особенно. Да и много ли натопаешь по сугробам в полярную ночь за Полярным кругом...?

Само слово «станция», глядя на архитектуру и техническое оснащение именно этого объекта, должно было ассоциироваться отнюдь не с закопанными в снегу хлипкими деревянными сараюшками из дощатых щитов, обогреваемыми примитивными печками-буржуйками на дровах или угле, – что было обычным делом в прошлом веке – или, что ещё несуразнее, со снеж-

ными иглу¹⁵. Возведённый здесь, пусть и небольшой арктический форпост воплотил в себе все современнейшие технологии, какие только имелись сейчас в наличии у российской науки. Бытовало, кстати, вполне обоснованное мнение, что, опираясь на опыт эксплуатации именно таких модульных городков, учёные-разработчики и технологи уже во всю делают жилые и рабочие городки для лунных и марсианских экспедиций! Ведь условия эксплуатации материалов и систем в Арктике по экстремальности лишь самую малость не дотягивают до космических!

А здесь, внутри такого компактного универсального комплекса, спроектированного, что называется, «по просьбам трудящихся» и оснащенного с учетом всех мыслимых и немыслимых ситуаций, можно было месяцами нормально жить, всецело отдаваясь любимой работе. Даже тренажёры и мини-бассейн не были чем-то экзотическим! Стены, имеющие приятную для глаз любого нормального человека салативо-зелёную окраску, и подсвеченные с разной интенсивностью и оттенками своды коридоров уютно провожали проходящего по ним зимовщика в небольшой, но вполне себе настоящий дендрариум! Сказочный сад настоящих деревьев и растений посреди вечного царства снега и льда! Малюсенький кусочек настоящей весны.

Весна! Наконец-то эта бесконечно-тягучая морозная темнота закончилась, и скоро они увидят свежую зелень молодой листвы в иллюминаторы экспедиционного турболёта, несущего их к дому. Настоящий природный зелёный цвет и солнечный свет были всю зиму в большом дефиците. И даже обилие фруктов и овощей, что вместе с рабочими материалами регулярно доставлялись им с большой земли, не радовало глаз и душу так, как если бы человек просто коснулся руками обычной березовой ветки в весеннем лесу и всей грудью вдохнул этот слегка пьянящий аромат расцветающей жизни.

Поэтому, не смотря на строгость регламента проводимых сейчас работ, настроение у всей команды было лёгкое, почти предпраздничное и даже слегка бесшабашное. Уже на завтрашний день было назначено окончание всех работ и пересменок: с материка ждали борт с рабочими-ремонтниками и инженерами. Вновь предстояла масштабная модернизация оборудования и расширение площади станции.

Ребята не зря просидели на куске скалы посреди ледяных торосов полгода. Их работа здесь была оценена по достоинству на самом вершине...

А эксперименты, проведённые далеко не только с сейсмографами и аэрозондами, признаны настоящим прорывом в науке и технологиях. В частности – технологии компонентов новейшего перспективного ракетного топлива...

Пока же люди собирались и упаковывали вещи. И не только технические средства, приборы и образцы, но и те милые сердцу безделушки, которые долгими полярными вечерами греют озябшую от долгой разлуки душу лучше любой печки. Кто-то снимал со стены фотографии, кто-то сортировал видеозаписи и аккуратно укладывал в контейнеры тетради рукописных дневников и рабочих материалов. Ничто не должно быть утеряно или забыто.

Объект «Утёс Деревянных гор» находился на ближайшей к матерiku, южной стороне Новой Сибири. Здесь год от года постепенно эрозирующие из-за таяния вечной мерзлоты и обрушающиеся в море берега не были такими крутыми и обрывистыми, в отличие от той стороны острова, что была обращена к Северному полюсу. Выход к морю был более удобным, а береговая полоса самой широкой и пологой. Стартовый стол для проведения пусков резонирующих атмосферных ракет отстоял от самой станции метров на двести и сообщался с ней буквально «подснежным» ходом: лёгкий арочный переход – собирался обычно осенью из составных модульных элементов, а затем его просто заваливало снегом до весны, и он становился почти подземным.

---

¹⁵ Иглу – компактное северное временное жилище из снежных блоков

В этом году именно этот предстоящий пуск, как принято говорить у зимовщиков, будет крайним. Да и то учебным: вся предстартовая подготовка должна пройти штатно и без исключений, но вот рабочая кнопка зажигания и ключ электропитания старта будут заблокированы оператором, хотя ракета уже стояла на столе и находилась в направляющих. Таково было решение руководства, озвученное буквально на днях и вызванное, скорее всего, установившейся над регионом нормальной погодой. Старт должен был быть имитационным.

Как стало понятно после серьёзных исследований, тяжёлые резонирующие ракеты, снабжённые электромагнитными импульсными источниками ограниченной мощности, – очень хорошее и действенное средство не только для усмирения буйствующих смерчей и торнадо. Поднявшиеся в стратосферу, они способны локальным и строго заданным образом влиять на великие струйные течения, опоясывающие на этой высоте незримыми потоками всю нашу планету, течения, от которых зависят погода и сама жизнь на всей Земле. И, в отличие от той же самой HAARP на Аляске, делают они это весьма деликатно и контролируемо.

Человеку всегда казалось, что он способен взять под контроль те невероятной силы процессы, что происходят в трёх царствах природы: в воде, на земле и в воздухе. Стоит только написать новую, более совершенную программу или развернуть реки вспять, послать в ионосферу мощный электромагнитный импульс, и природа сразу признает себя побеждённой и сдаётся на милость своего «царя».

Ровно так же думает неразумный ребёнок, только что вылезший из яслей и предъявляющий права на отцовское кресло. Такое неразумное ещё, но всегда любимое дитя...

Один из техников, только что закончив проверку предстартовой готовности комплекса и стремясь побыстрее покинуть неудобный, тускло освещенный и узкий тоннель, вбежал в помещение, едва захлопнув за собой дверь на электронном замке, не задвинул впопыхах изнутри механический засов, как этого требовала инструкция...

На этом острове, в отличие от соседнего Котельного, давным-давно уже не видели белых медведей – опаснейших хищников, фактических хозяев Арктики, способных быть смертельно опасными для человека. Их не было видно здесь по крайней мере уже лет двадцать. Зоологи опасались даже, что популяция этого красивого и умного зверя на грани исчезновения. Теперь, когда стали редкостью ушедшие дальше на север огромные плавучие поля пакового льда – основные места охоты медведей на моржей и тюленей, не стало и их самих. Росомаха с конца зимы ушла за оленьими стадами вглубь острова, площадь которого была совсем не маленькой – больше шести тысяч квадратных километров. А случайных людей в это время года на острове быть не могло. Чего ещё здесь было бояться? И на незадвинутый засов внимания никто так и не обратил...

Посреди зала стоял большой квадратный стол с проекционным горизонтальным голографическим 3D-дисплеем, на моделире которого сейчас была изображена синоптическая картина происходящего в радиусе тысячи километров от этого места, в реальном времени: над малюсеньким клочком земли, в бескрайнем океане, покрытом ледяными полями торосов, клубились и колыхались огромные сгустки облаков, и закручивались гигантские воронки вихрей. Синоптическая информация поступала в компьютер отовсюду: с метеозондов, геофизических ракет, станций слежения и спутников. Анализировалась и систематизировалась, чтобы в виде объёмной голографической проекции предстать перед глазами запросивших её, что называется, он-лайн.

Всё представление было настолько реалистичным и динамичным, что бородатые люди в тёплых свитерах, стоявшие сейчас рядом со столом, смотрели на этот бесконечный интерактивный спектакль, режиссером которого была сама природа, с каким-то восхищенным благоговением. Чудесным образом они могли видеть, как в одной стороне карты стеной идут проливные ледяные дожди, – успевая за время путешествия к земле по несколько раз замерзнуть в ледышки и снова оттаять в капли воды, – а в противоположной – сумасшедший ветер отка-

львает гигантский кусок ледяного поля и несёт его прямо на другой, ещё больший, с тем, чтобы при встрече два гиганта схлестнулись и выставили напоказ обоюдоострые края своих мощных бивней-оконечностей. А в воздухе над ними ежесекундно колыхались и разбегались обрывки туч и клочья тумана. И то тут, то там мерцали зеленоватые всполохи северного сияния – следы горячего дыхания бессменного хранителя Земли – великой звезды Солнца.

– Так, наверное, смотрит сам Господь Бог с небес на своё любимое детище – планету Земля... – задумчиво теребя бороду, проговорил мужчина средних лет, сильно выделявшийся среди других своим богатырским ростом.

– Да... – согласно кивнул стоявший рядом зимовщик в длинном заношенном синем свитере крупной вязки, – Воистину впечатляет! Не первый раз уже наблюдаю это шоу, но каждый раз – с восхищением! Эта их новая мультисредная система объёмного сканирования – просто какая-то фантастика сегодняшнего дня...

– Чья система? Кого ты имеешь в виду? – удивился рослый бородач.

– Да наших соседей с Котельного, военных. Они уже месяц тестируют оборудование: «грибы» да «лопухи» РЛС¹⁶ не видел, что ли на сопках? Вот она и есть. А ты думал, откуда мы данные качаем? Вот, по-шефски помогают нам. Чай, не чужие, свои. – «Вязаный свитер» подмигнул бородачому и, снисходительно улыбнувшись, опять уставился на голограмму.

– А-а! – протянул здоровяк. – Теперь понятно, кто у нас здесь за Бога...

– Кто бы сомневался! – хохотнул «свитер».

– А вот это, что за тёмное продолговатое пятно у берега? Совсем рядом с нами! Такого я никогда раньше не видел, – ткнул пальцем в голограмму парень, видать, самый зоркий и наблюдательный из собравшихся.

– Да кит, наверное? – махнул рукой высокий бородач, совершенно не придавая в данный момент справедливому вопросу должного внимания.

– Ну, если только каким-то чудом его выбросило на отмель. Здесь ему даже нырнуть негде – рылом дно забодает, – подключился к разговору ещё один научный сотрудник, рыжий, сидевший за пультом управления ракетным пуском чуть поодаль и тестиовавший все системы автоматики комплекса.

– Вообще-то, для кита, даже для синего, он больно уж большой, как минимум в два раза. Хотя для морских животных гигантизм нынче чуть ли не новомодный тренд, – с улыбкой проговорил обнаруживший аномалию бдительный зимовщик, сворачивая и складывая в тубус карты со стены.

– А я вот тут слышал, что ихтиологи близки к разгадке массового выбрасывания на берег стай дельфинов и китов. – Рослый обошёл стол и встал поближе к тому месту, где было тёмное пятно предполагаемого «кита».

– Да-да! Точно! – даже вбежавший только что техник не удержался и нашёл всё-таки момент вставить свою скромную реплику в общий разговор:

– Я слышал, что сейчас такие непонятные явления заметно участились. Особенно в южной части Тихого океана. «Зелёные», чтобы спасти животных, тащат их обратно в море, а те с ослиным упрямством не хотят возвращаться. Вот так штука! Будто боятся там кого...

– Господи! Да кого же им там бояться? – искренне удивился бородач в поношенном свитере. – Сами, чай, не маленькие!

– Ну, тогда если только кого-то сильно плотоядного, – также задумчиво теребя бороду, проговорил великан. И, посмотрев на рядом стоявшего в заношенном свитере товарища, едва доходившего ему до груди, добавил:

– И кто явно крупнее их самих... – и опять с интересом возвратился к неподвижному тёмному объекту на голограмме.

---

¹⁶ РЛС – радиолокационная станция.

Заинтригованный новой темой, народ в комнате заметно оживился, и, подняв головы от своих занятий, мужики смотрели теперь на выделяющегося габаритами коллегу, стараясь ничего не пропустить из его слов.

– Так вот, о чём это я, – возвращая разговор в своё русло, продолжил великан. – Было замечено, что непосредственно перед якобы массовой потерей ориентации морскими млекопитающими ... – он подмигнул слушавшим его. – Ну, это по официальной версии, некие крупные объекты неизвестного типа или животные внезапно появляются у тех на дороге и отрезают им путь на глубину. Беднягам остаётся единственное – выброситься на отмель. Смогли рассмотреть лишь один такой объект более-менее чётко, и только на снимке из космоса.

– Ну и что это было? Несси, что ли? – коротко хохотнул рыжий, явно имея в виду легендарное лохнесское чудовище, наделавшее в своё время много шума и принесшее неувядаемую славу тихому шотландскому захолустью, а заодно и поток фунтов стерлингов местным продавцам сувениров.

Рослый посмотрел на него снисходительно, как умудренный опытом преподаватель на студента-троечника:

– Сам ты – Несси! Нет, – покачав головой, он присел на стул. – Это было нечто очень похожее на огромный цилиндр, но с множеством гибких шупалец с одного конца. Думали сначала, что гигантский арктический кальмар, да только спруты под тридцать метров длиной, кракены, – это в сказках про пиратов. А вот в природе им просто нечем было бы питаться, передохли бы, как голодные крысы, – снова покачал лохматой головой великан.

– Ну как же? А вот такими вот как раз китами и будут... э-э, питаться! – махнул рукой в сторону голограммы рыжий.

– А-а... – протянул кто-то из мужиков, – ясное дело, мутанты какие-нибудь. Свято место пусто не бывает! Каждый год на земле исчезают сотни видов животных. Ну, а эти – им на замену. Эволюция!

Последняя реплика вызвала у зимовщиков неодобрительный ропоток. Из угла послышался зычный голос. Обладателем его был чернявый молодой человек противоречивой внешности: жиденькая бородёнка, видать, совсем не желавшая расти, и огромные старомодные очки никак не вязались с атлетической внешностью и весьма уверенной речью:

– Если скоро вообще будет кому-либо и кем питаться... Вы видели, что творится с обрывистыми берегами на северной оконечности острова? Нет? Сидите тут безвылазно от борта до борта по лабораториям. Так взгляните как-нибудь ради интереса. Деграция вечной мерзлоты идёт с геометрической прогрессией. Мне тут соседи наши – палеонтологи – прислали матерьяльчик: прошлым летом каждую неделю новые кости и бивни вымывало наружу. Ребята даже не копали – всё так вываливалось.

– Ну так это хорошо? Разве нет? – отозвался снова рыжий из-за пульты.

– Ты про метаногидраты на дне моря слышал что-нибудь? – подался к нему очкарик.

– Ну слушай, за кого ты меня принимаешь? – обидчиво парировал собеседника рыжий, который на самом деле был кандидатом наук, правда, по части физики высоких температур. Очень высоких!

Чернявый хмыкнул и продолжал:

– Здесь, в Арктике, эти концентрированные, запечатанные в вечную мерзлоту газовые хранилища в виде льда находятся не на километровой глубине под дном, как, допустим, возле Японии, а всего лишь в десятке метров. Глобальное потепление, будь оно неладно, опасно как раз таянием метангидратов. – И чуть подумав, добавил:

– Метан – это вам не «це-о-два»: взрывоопасен и похлеще углекислого газа утепляет атмосферу. Есть даже теория, по которой Великое мел-палеоценовое вымирание динозавров было не импактным: ведь наряду с наземными крупными ящерами погибло множество видов морских и даже аммониты и водоросли!

Рыжий махнул рукой:

– Да ладно тебе! Этим теориям уже всяких разных навывдвигали. Чем метан-то мог животину покалечить? Он крайне летуч, токсичен только в высокой концентрации.

Чернявый поправил на носу очки и произнёс почти торжественно, точно теория эта была его собственная и озвучивал он её не в тесном балке научной экспедиционной станции, а, как минимум, в МГУ¹⁷ перед собранием академиков и профессоров:

– Очень вероятно, что причиной катастрофы был взрыв, и даже, я бы сказал, серия взрывов гигантской мощности, вследствие резкого повышения температуры и последующего за этим лавинообразного таяния метангидратов под океанским дном. А мощность была эквивалентна пятидесяти термоядерным бомбам!

– Это как так-то?! – послышался откуда-то из угла искренне удивлённый возглас техника.

– А вот так как-то...! – парировал чернявый. – И ещё одно очень важное дополнение: если таких высвобождающихся газов много, а процесс идёт лавинообразно, то перенасыщенная пузырьками жидкая среда сильно теряет в плотности. Всплывая, допустим, под корпусом корабля, такая смесь мгновенно делает его плавучесть отрицательной. Это всё равно, что тот провалится сразу на пятидесятиметровую глубину, а сверху ему закроют крышку люка. И всё! Говорят, что именно в этом заключён феномен исчезновения кораблей в Бермудском треугольнике... А у нас тут не хухры-мухры, а целый «Северный морской путь»!

Высокий, даже крикнув от важности услышанного, встал со стула и снова склонился над тёмным длинным силуэтом на он-лайн голограмме:

– И всё же, что бы это могло быть? Сходить что ли глянуть? Не больше километра отсюда, – и уже открыл было рот, глядя на техника, но тот перехватил инициативу и сработал на опережение:

– Не-а! Ничего не выйдет: я снегоходы на консервацию поставил и аккумуляторы отключил, – ему страсть как не хотелось возиться теперь с техникой на морозе по прихоти какого-то полумного исследователя, хотя и его экспедиционного товарища. Наблюдение и описание данного объекта в плане работ не значилось. И слава богу!

– Ага! Сходи—сходи, – снова хохотнул рыжий, – Нам как раз к отъезду новых ощущений не хватает. А тут хоть развлечёмся – поищем тебя по сугробам.

Мужики в зале подхватили неявную шутку дружным смехом. У всех было хорошее настроение, и гоготать теперь не воспрещалось по поводу и без такового.

– Да-а. Здесь ещё не такое увидеть можно. Вот посмотрите, недавние съёмки с дрона-квадрокоптера, – один из бородачей вывел на настенный дисплей картину острова и стал двигать по ней перекрестьем поиска:

– Так, не то, не то... А! Вот оно, гляньте! – он приблизил и увеличил найденный район. – Вот посмотрите на этот высокий холм. Отметка семьдесят метров. Его вершина абсолютно лысая! Там вообще нет снега даже в самые сильные бураны. Температурные датчики зашкаливают в плюс! Если им верить, то прямо под поверхностью – ад крошечный!

Коллеги заинтересованно придвинулись к столу, виртуальное изображение удивительного утёса увеличивалось и достигло своего максимума. Вся свободная от снега земля была испещрена трещинами и провалами.

Тут в относительной тишине большой комнаты наконец-то прозвучало знаменитое «дедовское» «х-хе!», и все сразу поняли, что предстоит услышать что-то действительно новое и занимательное, а не споры по поводу той или иной теории. А главное – интересное! Ничего не скажешь, «дед» – бывалый зимовщик и мог рассказывать часами напролёт так, что никаких телевизоров не надо было.

---

¹⁷ МГУ – Московский государственный университет.

– Само название «Деревянные горы» дано было здешним местам ещё пару веков назад, когда добытчики мамонтова бивня, которого здесь огромное количество, прямо под ногами, пытались было понять структуру самых высоких холмов острова. – В «уют-компании», как сами члены экспедиции называли между собой центральный зал, все аж замерли – слушать профессора Фёдора Высоковского любили все без исключения. Тот знал невероятное количество разных историй и сказаний, баек и случаев и мог их выкладывать одну за другой часами напролёт, воодушевлённый лишь одной наградой – вниманием аудитории. Была у этих продуктов устного творчества и специфика: все они были на «арктическую» тему. А при более тесном знакомстве люди понимали, что профессор был просто одержим Арктикой, Антарктикой и всем тем, что касается снега, льда и холода. Вот такой он был человек, такое и прозвище соответствующее получил в группе – «Дед Мороз».

– Начав осматривать один из обвалившихся местных утёсов, первопроходцы обнаружили, что странная волнообразная структура породы, находившейся над реликтовым льдом вечной мерзлоты, напоминает... – рассказчик обвёл слушателей хитроватым взглядом из-под больших, старомодных очков в роговой оправе, – Деревья! Упавшие и лежавшие вперемешку с огромным количеством хвои, шишек и листья многочисленные стволы деревьев! Сосны, кедры и даже гигантские секвойи! Вы не поверите, но в меловом периоде здесь стояли частоколом буйные леса, а климат был сродни черноморскому нашего времени, и зверья водилось немеряно!

Профессор привычным движением достал из нагрудного кармана старинный именной металлический портсигар, а из другого – плоскую, чуть изогнутую фляжечку, обшитую синей кожей: настроение у предотъездных было великолепное!

– А теперь – на древних стволах мумифицированных растений был крепчайший налёт чего-то тёмно-серого, похожего на уголь. И было не так-то просто отковырять от этой единой глыбы хотя бы малый фрагмент, например, во всех мелочах и деталях сохранившийся лист или веточку. Они были точно каменные. Ну и, понятное дело, всё это было завалено и проложено огромными массами глинистого песчаника и камней, утрамбовано сверху многометровым пластом вечного льда.

«Дед Мороз» освободил фляжку от крышечки и опрокинул ее над тарой: в импровизированную рюмку тягуче скатилась ароматная жидкость, цветом схожая с крепким чаем.

– Так вот, когда полвека назад здесь была малюсенькая, вмёрзшая в лёд и укрытая многометровыми сугробами советская метеостанция, кстати, полная тётка нашей нынешней... – и он сделал круговое движение рукой с зажатой рюмкой, – почти космической станции. Вот, двое таких, как вы, – и он указал на молодых людей, с открытыми ртами слушавших «Деда», – тоже заметили при визуальном обследовании в ясную погоду на горах «лысину»! А, добравшись туда и заглянув в трещины термокарста, припустили что есть мочи в лагерь: по их словам, увиденное там больше напоминало топку паровоза или преисподнюю! Пламя и огненное месиво прямо под ногами... Одно неверное движение, и полная кремация им была бы обеспечена, а в длинном ряду арктических загадок появилась бы ещё одна тайна исчезновения.

Тут уже даже не выдержал и присоединился к разговору особо серьёзный и усердный сотрудник, всё это время сидевший сосредоточенно за компьютерным пультом газоанализатора:

– Ну, и что в результате-то? Это какая-то аномалия? Почему там такая высокая температура? – на Высоковского со всех сторон посыпались вопросы и даже упрёки в явной ереси тех давнишних бедолаг:

– Разрывов коры или вулканизма здесь отродясь не было...! А самовозгорания у окаменелостей в принципе не может быть.

Профессор загадочно улыбнулся и, наливая вторую «крышечку», медленно произнёс, посмотрев на колыхавшуюся над столом проекцию:

– Наша Земля – единый живой организм. Если что-то по тем или иным причинам стало лишним, ненужным, бесполезным, она найдёт способ убрать это, удалить, избавиться от него. Для этого у неё есть все ресурсы. А если своих сил не хватит на утилизацию, думаю, найдутся помощники. – И, выпив залпом вторую «рюмочку» и отвернувшись куда-то в сторону, сказал тихо, в бороду, как будто самому себе:

– Истории свойственно повторяться. Шестьдесят шесть миллионов лет назад ненужными, лишними стали динозавры, освободив своим вымиранием жизненное пространство другим видам. Вопрос: кому именно? – и, посмотрев на загадочное тёмное пятно на голограмме, подытожил:

– Но самое главное, чтобы этим ненужным «мусором» не оказались когда-нибудь... сами люди!

Присутствующие, в полной тишине дослушав профессора до конца, вдруг дружно загалдели, эмоционально размахивая руками и вскакивая с мест. Закачали головами, одни соглашаясь, другие – нет, недоуменно поджимая губы или, наоборот, одобрительно прикрывая глаза. Кто-то даже, на время отключив пожарную сигнализацию, а следовательно, и всю систему видеоконтроля в зале, достал сигареты... За бурным обсуждением учёные зимовщики, как слушали «деда», сидя спинами к техническому коридору, так и сейчас не обратили внимания на оказавшуюся вдруг незапертой входную дверь.

Руководивший имитационным запуском геофизической ракеты инженер, внезапно обнаруживший на интерактивном пульте зумм системы неисправности в энергосети стартового стола, потянулся было к пульту экстренного отключения предстартового отсчета, но не успел...

Электричество на станции вырубилось сразу и везде. Даже аварийные дублирующие генераторы, обязанные включиться автоматически и без промедления, сейчас молчали. Наступила полная и абсолютная темнота. И тишина...

Последнее, что смог заметить падающий на пол профессор Федор Высоковский, – это странные всполохи голубоватого свечения, в кратких вспышках которого обозначались смутные, как будто извивающиеся чёрные тени, заполнившие зал с той стороны, где был технический ход к стартовому столу.

Прошло ровно полторы минуты, и аварийный генератор запустил работу всех функционирующих систем, кроме полноценного освещения помещений. Компьютеры начали перезагружаться, а над плоским большим столом в центре комнаты снова заколыхалась голографическая проекция. Всё снова было так же, как и прежде. Только люди, радостным и живым разговором наполнявшие до этого помещение, лежали теперь молча и без движения, вповалку, кто куда угодил: на креслах, скамейках и на полу. На дисплее автоматического медицинского сканера таблицы показателей жизнедеятельности и мозговой активности членов экспедиции были в норме, но отмечали фазу глубокого сна. Причем, так было не у всех. «Дед», если верить аппаратуре, был полон сил и бодрости, а с ним и ещё двое, которые, впрочем, лежали тут же рядом с ним, у компьютерного стола.

Система мониторинга помещений работала исправно и посылала на большой обзорный дисплей видеоряд с контрольных точек станции: спальные помещения, аппаратные, электрогенераторная, склад, внешний периметр. В тусклом свете можно было различить, как по всей станции распространились тёмные, почти чёрные тени, силуэты которых напоминали людей, но двигались они чрезвычайно быстро и как-то... волнообразно. Их почти не было видно, но голубоватые всполохи, окольцовывающие верхние конечности странных существ, выдавали в потёмках их местоположение.

В командном пункте двое из них приблизились к пульту управления стартом и аккуратно подняли и посадили в кресло обмякшее тело оператора. Глаза его были открыты, зрачки рас-

ширены и смотрели на мир, не мигая. Но по всему было понятно, что он жив и, вероятно, парализован. Взяв человека за руки, чёрные существа, конечности которых, казалось, росли прямо от едва обозначенной головы, – положили безвольные пальцы на клавиатуру и начали ими поочередно нажимать на виртуальные кнопки. На рабочем столе развернулась голограмма контроля запуска ракеты, ее составные части и узлы, их телеметрия. Стартовый отсчет снова, как ни в чём не бывало, продолжился, и сбой в системе не был определён как ошибка. Одно из существ осторожно взяло за затылок голову безвольного оператора и пододвинуло ближе к нейродатчику системы подтверждения пуска. Радужная оболочка быстро была опознана, и система запросила подтверждение и уточнение изменений. На дисплее в разделе «старт» вместо слова «учебный» появилось новое – «боевой»...

Погода была нормальная, и дежурный наблюдатель берегового поста на острове Котельный засёк в оптику всполох стартовавшей и уходившей всё выше и выше в небо небольшой метеорологической ракеты. Вскоре та скрылась в вышине за облаками, и лишь пародымовой инверсионный след от работы двигателей напоминал о состоявшемся пуске.

– Странно, мне Серёга Говорцов вчера звонил: сказал, что они все скоро уезжают, и живых пусков пока не будет, вплоть до самой осени, – дежурный наблюдатель отошёл от оптики и склонился над столом вахтенного напарника:

– Значит, так и запиши, что мол, тринадцатого ноль третьего тридцатого, в ... – он посмотрел на часы, – ... четыре тридцать две утра был зафиксирован произведённый боевой старт метеофизической ракеты со стартового стола СРЗА «Утёс Деревянных гор» острова Новая Сибирь. Записал? Отлично! – и, проверив лично запись в электронном журнале, добавил:

– Сними копию медицинских показателей самочувствия экспедиции, видеотрек помещений на момент пуска и прикрепи к записи происшествия... сделал? Отправляй в архив...

На минутном видеоролике зимовщики мирно сидели в хорошо освещённой кают-компании или отдыхали у себя в кубриках. На колышущейся над большим столом он-лайн метеокарте всё так же плыли облака, и полыхало изумрудным огнём северное сияние. А вот большого чёрного пятна у южного берега острова уже почему-то не было...

Уверенно двигавшееся в тусклом свете дежурных ламп чёрное существо остановилось и протянуло с необычной кинематикой изгибающуюся конечность к стоявшей на тумбе компактной цифровой видеокамере. На откинутах в сторону проекционном дисплее радостно забегали по снегу веселые люди – члены злополучной экспедиции. Они дурачились, бросали друг в друга снежками и орал, что было силы. Трансляция прекратилась, и существо, потрескивая голубоватыми искрами маленьких световых обручей на концах двух щупалец, быстро направилось в центральный зал.

– Мы нашли то, что необходимо.

Слова их вязкой и еле различимой речи были похожи на какой-нибудь редкий китайский или корейский диалект, и в таком виде, какой транслировался на звукозаписывающую аппаратуру системы контроля станции, он не мог быть переведён оперативно. Даже серьёзный лингвист, специалист по китайскому языку был бы не в силах выделить что-либо членораздельное в этой сплошной каше звуков, размазанной к тому же по разной частотной модуляции и обертонам, так что «речь» походила скорее на какое-то бормотание вперемешку с завываниями и негромкими вскриками.

Внешне существа, так внезапно и стремительно ставшие непрошенными гостями экспедиционной станции, больше походили на невероятных сухопутных четырёхлапых осьминогов, чем на гуманоидов. Даже их манипуляции и поведение чем-то неуловимо роднило их с головоногими. Стоя сейчас каждый над «своим» поверженным человеком, они аккуратно ощупывали их, проводя конечностями по лицам, волосам и одежде. Вошедший «осьминог» пере-

дал камеру, вероятно, самому главному в отряде, и тот подключил её к маленькому чёрному кубику. Последовала гулкая, низкочастотная мешанина звуков. Вероятнее всего, это был приказ подчинённым:

– Вот видеофайлы со всеми членами экспедиции. Начинать сканирование и интеграцию. Запускайте копирование. Мне нужна вся информация из их мозга и баз данных, абсолютно вся!

В это время облачное скопление на виртуальной метеопроекции стало стремительно меняться. Огромные массы туч заворачивались в гигантскую воронку, диаметром в полтысячи километров. Её «глаз» находился теперь практически прямо над Новосибирскими островами. Графики приборных показателей на дисплеях поползли вверх, и когда они прошли красную линию на координатной плоскости, тревожно завывала сирена. Один из осьминогов выполнил какие-то манипуляции с чёрным кубиком, и тревожные звуки затихли.

Главный будто бы только этого и ждал:

– Приступайте! Теперь их эвакуационный транспорт прибудет только через трое суток. У нас будет достаточно времени подготовиться.

Уже через два часа на эту часть Ледовитого океана налетел такой страшный ураган, что всякое радиосообщение между островами и даже военными базами было прервано или подерживалось лишь частично. Ужасающей силы ветер готов был выдрать с корнем и унести в океан абсолютно всё, что не было намертво пристёгнуто, приварено, прикручено. Колоссальные снежные заряды обрушивались с такой силой, что за десять минут засыпали по крышу даже стоящие на гидропорах «космические» будки экспедиции. Но вновь налетающий вихрь поднимал всё это белое безумие в воздух и циклопическим шлейфом уносил вдаль.

И конца и края не было видно этой дикой свистопляске, получившей «дозу» арктической погоде. Пока не выдохнется все под ноль, хмельное буйство не прекратится.

На пульте спутниковой связи засветился огонёк у триггера входящего вызова, и на экране очень нечётко, постоянно подёргиваясь, проявилось размытое изображение человека.

– Вызыв... ю «Утёс Деревя... х гор», ...ветьте мне! Это... танция...! – голос постоянно прерывался помехами. – Ваш транспо... с инженерн... составом подойдёт только после... ри! Ждите сеанса ...зи! Ко... ц св... и!

– Вас понял! Ждём улучшения погоды. Конец связи! – экран трансляции потух, краткий экстренный сеанс был окончен.

Последние ответные слова были сказаны абсолютно идентичным зычному голосу чернявого тембром. Сам он бездыханно лежал на полу, возле терминала связи. Даже специфический южный акцент был точно скопирован. Произносившее фразу злое существо отщёлкнуло тумблер связи в положение «выкл.» и замерло над телом поверженного человека.

Над Новосибирскими островами только ещё набирал обороты неистовой силы гигантский ураган, а под мощным монолитным панцирем прибрежного льда, там, где была полная тишина и мёртвое спокойствие, неслышно и беспрепятственно снялась с грунта и теперь ускользала обратно в океан глянцево-чёрная тень таинственного подводного объекта. Человечество доживало последние сутки своего сытого, сонно-безмятежного неведения...

Верхом на летающем «Слоне»

*13.03.2030, 9 часов утра (местного времени).
Восточная оконечность полуострова Ямал
19 часов до временной отсечки «X»*

Тактические камеры нижней полусферы дали на обзорные дисплеи потрясающую панораму: под брюхом шедшего на четырёх тысячах метров от земли, головного в серии, новей-

шего тяжёлого десантного турболёта класса «Грозный» во всём своём великолепии раскинулась Сабетта.

Наисовременнейший, оснащённый всеми возможными передовыми технологиями и самый северный из круглогодично функционирующих, этот порт был волшебным образом свободен ото льда даже теперь, когда до реальной весны в этих широтах было не меньше двух месяцев. Весь фокус был в барбатаже – уникальной технологии искусственного подогрева портовых каналов горячей водой. За два десятка лет, прошедших с начала строительства этого грандиозного арктического проекта, всё здесь поменялось просто фантастически, по-другому и не назовёшь. В самом порту вырос огромный комплекс заводских сооружений по переработке нефтепродуктов и газового конденсата: законтрактованный сжиженный природный газ мощным потоком устремился к своему потребителю. А вместо небольшого одноименного посёлка, когда-то располагавшегося в пяти километрах от первых портовых сооружений, теперь вырос настоящий город с отличной инфраструктурой, венцом которой стал аэропорт международного уровня, способный принимать самые большие аэробусы и транспортники, какие только можно было представить. Огромные океанские суда, загруженные под завязку, – газовозы и танкеры – непрерывным потоком шли отсюда и день, и ночь, устремляясь по северному морскому пути в страны Западной Европы, к Азиатско-Тихоокеанским пунктам назначения и к обеим Америкам. Главным же и основным ресурсом для всего этого технического пиршества стали расположенные тут же, неподалёку на полуострове гигантские газоконденсатные и нефтяные месторождения «Бованенковское» и «Южно-Тамбейское».

Целые подземные моря углеводородного сырья сделали Ямал кладезем энергии! Нефти и газа на полуострове было столько, что здешние, уже разведанные месторождения, могли бы удовлетворять нескромные и всевозрастающие аппетиты планеты ближайшие лет сто, а то и больше. А потребности действительно возрастали. И чужие, и свои.

Побережье Ледовитого океана, постепенно освобождаясь ото льда, открыло возможности по круглогодичной навигации, и когда-то еле живые или вовсе заброшенные рыбацкие и промысловые посёлки в устьях многочисленных рек начали снова наполняться людьми. Становища превращались в посёлки, те в свою очередь стремились изо всех сил утвердиться пусть и крохотным, но всё же городком, чтобы получить свою долю «северного завоза» и бюджет и таким образом задержать у себя людей. Всё это разрозненное и беспокойное хозяйство надо было как-то содержать и чем-то обогревать. А всю эту инфраструктуру надо было ещё и охранять.

С той части аэродрома первой категории «Сабетта», в которой находилась взлётно-посадочная полоса Воздушно-космических сил, взлетели два лёгких боевых турболёта класса «Призрак». На тактической профильной он-лайн проекции в кабине пилотов транспортника было видно, как две небольшие зелёные точки с цифробуквенными обозначениями устремились к «Слону» и, подойдя, встали поодаль в эскорт, синхронизировавшись по высоте, скорости и курсу.

Дверь в переборке со стороны шлюза в пилотскую гермокабину легко подалась в сторону, и в проёме показалась почти полностью седая, коротко стриженная голова командира «Слона», майора Александра Александровича Шанича. Он поправил слегка съехавшее на сторону коромысло ошейника-коммуникатора и, глянув сначала на одну пару кресел, потом на другую, предварительно крикнув при этом, чётко поставленным голосом отрапортовал:

– Так!... Товарищи офицеры! «Сторож-1» и «Сторож-2» заняли боевой порядок. Начинаем обзорный облёт побережья полуострова согласно полётному заданию: сначала поднимемся до острова Белый, а потом пойдём на юг вдоль побережья Карского моря, вплоть до мыса Белужий нос. Там – на полигон. Внутренняя система связи опознала ваши интеркомы, если что – вызывайте. – И уже как-то по-доброму, по-отечески:

– Кстати, можете немного передохнуть. До места высадки порядка двух часов. Кемарните покамест. – Командир транспортника, майор ВКС¹⁸, отлично понимал, каково пришлось десантникам прошлой ночью на дальнем, к черту на рога, заброшенном ВАПе¹⁹, откуда он забрал их сорок минут назад. Всю ночь боевые стрельбы с постоянными сменами позиций и видов оружия, техники и экипировки. Начальство выжимало из группы все соки. В результате замотались, почти оглохли, проголодались, ооченели и зверски устали... Но поставленную задачу выполнили.

– Спасибо, майор! У тебя здесь настоящий курорт. Сейчас разомлеем – потом в кучу не соберёшь, – усмехнулся в ответ один из спецназовцев.

– Да нормально. Бойцы-то ваши там, наверное, уже прикипели, сопят в две дырки. Вот и вы от них не отставайте. Ещё и сегодня, и завтра прыгать, так что устраивайтесь поудобнее и наблюдайте местные красоты, благо погода солнечная. Если что, сухпай и горячий чай в термосах. – И он коротко кивнул сначала на один борт, затем на другой.

Все четверо дружно поблагодарили гостеприимного хозяина, и тот, по-доброму кивнув им, вышел из кабины обратно в шлюз.

А любоваться и впрямь было чем. На четырех больших обзорных дисплеях, исполнявших в этом новейшем, только ещё проходящем войсковые испытания боевом воздушном корабле, роль иллюминаторов, шла панорамная картинка верхней и нижней полусфер. Плюс к этому – в отдельном «окне» висел ещё и вид с беспилотника, следовавшего тем же курсом, но эшелонном повыше, и исполнявшего роль разведчика. И всё это поистине завораживало!

Бесконечные во все стороны, ровные, как стол, снежные поля тундры, сверкающие миллиардами алмазов и сапфиров в ярких лучах восходящего солнца. Кристально-прозрачный, уходящий ввысь и от того густо голубеющий купол неба над ними. И далёкий, у самого горизонта, океан, весь то ли в ледяных полях, то ли в отдельных айсбергах, затянутый плотно-непроницаемой синевой загадочной дымки даже в такую прекрасную погоду.

На фоне этого почти ирреального по своей величественности и красоте пейзажа, выкрашенные в яркие голубые и жёлтые цвета агрегаты огромной компрессорной станции газодобычи и перекачки, над которой пролетала сейчас авиагруппа, казались намертво вмёрзшими в вечную мерзлоту элементами гигантского фантастического инопланетного корабля, потерпевшего тут аварию миллионы лет назад, и вот теперь, с приходом глобального потепления, наконец-то постепенно освободившегося от вековых ледяных оков. Того и гляди, ещё немного, и изогнутые, торчащие из-под снега кольца труб окажутся застывшими и вот-вот готовыми проснуться от криосна древними пассажирами корабля – огромными металлическими... змеями, которые, оттаяв, расползутся по нашей планете во все стороны, кто куда...

А пока... лёгкая позёмка, несмотря на яркое весеннее солнце, всё так же кружила над настом тундры и, в который раз, наметала переменчивые дюны недолговечных и невысоких сухих сугробов, а ледяное дыхание севера миглом остужало горячие малоопытные головы оказавшихся здесь случайно обитателей более низких широт.

В небольшом командирском кубрике, кроме огромных дисплеев по бортам, очень кстати оказалось четыре компенсирующих перегрузки анатомических кресла. Впрочем, точно такие же, на каждого парашютиста, были и в большом десантном отделении турболёта. Там, где сейчас отдыхал личный состав двух учебных взводов сводного отряда Сил специальных операций, участвующего в учениях совместно с местным спецназом ДШБ²⁰ и полком морской пехоты. Взводные и их заместители с удовольствием обосновались в этих уютных креслах,

---

¹⁸ ВКС – Воздушно-космические силы.

¹⁹ ВАП – Винтовочно-артиллерийский полигон (устар.).

²⁰ ДШБ – десантно-штурмовой батальон.

и после краткого уточнения дальнейшего плана действий могли наконец-то прикорнуть с часочек.

Командир одного из учебных взводов, капитан ССО²¹ Георгий Прохоренко, сам ещё довольно молодой парень, попросил своего зама, если вдруг ненароком уснёт, разбудить его за четверть часа до прибытия в район высадки. Две бессонные ночи накануне давали о себе знать: в тепле после мороза веки сами собой закрывались, словно к ним были привязаны пудовые гири, как бы ни силился он этому противиться. Его помощник, тоже молоденький, старший лейтенант Афанасьев славился своей неутомимостью в ночных дежурствах, и на него можно было надеяться, как на швейцарский хронометр: и сам не проспит, и других разбудит.

«Уж он-то точно будет бодрячком. Растолкает, если что. А я, как Штирлиц. Всего на полчаса. И снова, как огурец...», – мысли офицера начинали путаться, вываливаясь из ровной шеренги, терять равновесие и ускользать. И вот уже от яркой картинке залитой восходящим солнцем заснеженной тундры, постепенно помутневшей и скомканной, осталось одно лишь утробное гудение двигателей огромного «Слона».

Окружные учения шли уже вторую неделю. Бесконечная череда марш-бросков, стрельбы, войсковые испытания новой техники. И вдруг, посреди этой жесткой, выматывающей работы приходит эсемека: «Буду в Салехарде завтра. Если тебе есть, что сказать, есть шанс увидеться»...

Штаб их временной оперативной группы – ВОГ-формирования сейчас, на период учений, находился как раз в Салехарде. Скольких сил стоило упросить начальство сделать командировку туда на один день, об этом знают только небеса. А когда снова увидел эти огромные зелёные глаза, слов не было, сколько их не искал. Просто сидели, как пионеры, и держались за руки, не смея поднять взгляда друг на друга... Так и не нашёлся, что сказать. Видя, что разговора не получается, она с досадой лишь бросила коротко: «Ладно. Решай сам. Подумай хотя бы о сыне...». Тихо, но настойчиво освободила руку, встала и, не оборачиваясь, ушла.

Вернувшись в расположение далеко после отбоя, так и не смог заснуть. Всё думал-думал: что такого он мог бы ей сказать, чтобы вернуть. Казалось, всё уже было давно сказано. Где было искать именно те слова, которые смогли бы заново проложить дорогу к её душе? Сон в ту ночь так и не посетил его, а назавтра ожидалась самая серьёзная фаза учений.

... Не по времени пожелтевший лист вдруг тихо сорвался с ветки раскидистого дуба и, подхваченный лёгким ветерком, медленно кружась, упал среди цветов ухоженной клумбы, разбитой прямо посреди идеально подстриженного газона. В десятке шагов от него – шероховатый бархат старого красного кирпича аккуратного домика в викторианском стиле, разбавляющего своим невысоким рубленным силуэтом однообразный пейзаж холмов средней Англии. Отец с сынишкой лет четырёх, оба нарядно, по-выходному одетые, прогуливаются по саду, искренне радуясь скромным солнечным лучам, каким-то чудом пробравшимся сегодня сквозь пухлые кучевые облака такого не в меру пасмурного конца лета. Прелестный мальчик весело прыгает за красивыми бабочками, забавно размахивая сачком и время от времени взбрыкивая, словно молодой жеребёнок, уносится куда-то по извилистым садовым дорожкам. Набегавшись вволю, мальчуган подходит к отцу и берёт его за руку, улыбается и ласково заглядывает тому в глаза. Такая же неспешная, как и сама прогулка, беседа взрослого с малышом нравится им обоим, и они безмятежно идут по дорожке, постепенно приближаясь к тому месту, где упал желтый лист...

У дома на парковке пара дорогих «породистых» авто: «Морган», «Кэйтерэм». Миловидная молодая женщина и её бодрая пожилая мама, обе в красивых светлых платьях, выходят, неспешно беседуя, на крыльцо и приветливо машут руками своим «мужчинам». Отец расска-

---

²¹ ССО – Силы специальных операций.

зывает ребёнка интересную историю, и тот внимательно её слушает. Вдруг, чем-то заинтересовавшись, он бойко вырывает ладошку из крепкой отцовской руки и подбегает к клумбе перед домом. Он зовёт отца, машет ему руками. Показывает пальчиком на непривычно крупного дождевого червя, уползающего в невидимую норку. Отец, понимая, что ничего не увидит, кроме взрытого клочка земли, всё же делает вид, что заглядывает в лаз. Даже немного наклоняется...

Плодородная земля возделанного заботливыми трудами сада совсем чёрная, и в норке ничего не разглядеть. Но расшалившийся ребёнок непреклонен: надо нагнуться ниже и заглянуть глубже...

Внезапно мужчина чувствует, как мир вокруг, словно кто-то невидимый выключил в комнате свет, накрывает огромная чёрная тень. И тут же яркий солнечный день сменяется непроглядной пепельной мглой. Из всех сил он пытается оторваться от земли и встать с колен, но все движения получаются очень медленными и даются невероятным усилием воли, будто в густом киселе, он придавлен многотонной глыбой, а грудь разрывает от заканчивающегося в лёгких воздуха. Подняв глаза, словно в забытии он видит ужасную, точно из книги Апокалипсиса²² картину: дом – семейное гнездо многих поколений – разрушен, всюду серый пепел, какие-то обломки, разбросанные вещи. Дым ужасающих пожарищ густо наполнил воздух, отвратительный жирный смрад горелой плоти не даёт дышать, выворачивая желудок наизнанку. Вдалеке слышен грохот, частая стрельба и вой сирен.

На тех обугленных, жалких щепках, что остались от крыльца, колышутся по ветру изорванные обрывки платьев жены и её матери. Но самих их, сколько не всматривается человек во тьму, не может обнаружить. Поодаль – восхитительные шедевры автомобилестроения былых времён смяты и искорёжены до неузнаваемости, будто их кто-то рвал на куски. Один из них горит. Языки пламени яростно лижут металл, краска на нём вспучивается, давая пищу новым огненным протуберанцам, которые подобно смертоносным червям, извиваясь и корчась, разрушают всё и вся, до чего прикоснутся. Едкий чёрный дым окончательно заволакивает всё вокруг.

Вдруг пронзительный детский крик разрывает мозг: там, где только что был мальчик, сиротливо остался лежать на земле лишь его одинокий ботиночек, а на месте крохотной, почти неразличимой норки червя – чудовищно взрытая земля уходящего вертикально вниз огромного лаза. Мужчина наклоняется над бездной, заглядывает туда в надежде увидеть хоть что-то, но тьма настолько густа, что обволакивает его самого целиком, постепенно поглощая руки, плечи, ноги и туловище. Стремительно и бесконечно падая во всё расширяющийся тоннель, он в последний раз далеко вверху видит крохотный, неумолимо затухающий лучик света...

Прохоренко подскочил в компенсирующем кресле точно от удара током. Только закреплённые ремни безопасности не дали ему свалиться на пол кубрика, и сейчас он диковато озирался по сторонам, пытаясь прийти в себя после такого короткого и дурного, внезапно прервавшегося на столь трагической ноте сна.

Отвратительными пульсирующими ударами в правое полушарие болела голова, а левую руку искололи тысячи невидимых иголок – затекла, видать, в неудобном положении. Ещё полностью не очухавшись, судорожно вспоминая детали мимолётного кошмара и стараясь хоть как-нибудь увязать их с реальностью, капитан ошалело глянул на сидящего напротив Афанасьева. Парень, слегка улыбаясь, с интересом наблюдал за командиром. Заметив, что тот окончательно проснулся, посмотрел на часы и нажал на корпусе кнопку отключения будильника. Затем смешно вытянул губы дудочкой и многозначительно покачал головой:

---

²² Апокалипсис – одна из книг Нового Завета.

– Хм... Феноменально! Вы проснулись ровно за минуту до истечения срока. Секунда в секунду! Это насколько же надо себя контролировать даже во сне? Либо вы не спали, а дремали... – и подал капитану из закреплённого на стенке кабины небольшого пластикового контейнера компактный термосок, сняв его при этом с вилки электроподогревателя.

– Спал!... Спасибо! – каким-то странно-незнакомым для самого себя голосом просипел Прохоренко. И, приняв из рук помощника термос, стал, насколько это было возможно при манёврах турболёта, аккуратно наливать себе в стакан-крышку горячий ароматный чай. – Но уж лучше бы не засыпал. Только голова разболелась. Да и ерунда всякая снилась.

И прокашлявшись несколько раз в кулак, быстрыми глотками выпил бодрящий напиток. Протёр обеими руками глаза, поскрёб макушку с тёмно-русыми волосами: взлохматить их не удалось, стрижка по-армейски стремилась к «нулю». Посмотрел на часы.

– Так, Афоня, напомни «комодам»²³ доложить о готовности! – И почувствовав, что голос вновь вернулся к нему, сам включил интерком на передачу, нажав обрезиненную кнопку на прикреплённом слева к горлу, чуть ниже подбородка, чёрном квадратике переговорного устройства.

Командиры второго взвода, ничуть не обращая внимания на них, сосредоточенно проверяли закреплённое носимое снаряжение и средства связи. Афанасьев принял радио-доклад командиров отделений, кивнул соседям и открыл было рот доложиться, но капитан сделал останавливающий жест рукой и сказал:

– Я понял... Всё штатно?

– Так точно, товарищ капитан! Группа к десантированию готова. – И посмотрел в сторону соседних кресел.

На данном этапе учений капитан Георгий Прохоренко, как наиболее опытный боевой офицер, осуществлял контроль и координацию действий обоих учебных взводов и, соответственно, был назначен старшим. Хотя у тех ребят из второго взвода и был свой командир из полевых наставников – капитан Ермаков, тоже отличный офицер, вояка из бывалых, – командование всё же отдало предпочтение более молодому.

Ветеран с не по годам начинающими сидеть висками тоже в своё время уверенно «мечтал стать генералом», но... Единственное, что стало камнем преткновения на пути к этой мечте, это контузия, подаренная ему террористами много лет тому назад, ещё в самом начале службы, в одной из тёплых стран. Само по себе, вроде бы не так уж и страшно, но спецназовца всё чаще и чаще, бывало, что в самое не подходящее время накрывали безумные, до тошноты, головные боли, а мушка в ответственный момент улетала от прицельной планки, всё реже приземляясь обратно...

И вот, поняв однажды, что дембель стал неизбежной ближайшей реальностью, как и крах мирового империализма, капитан, придя домой, сел на стул, поставил перед собой на пустой стол одинокую бутылку водки и долго изучал микроскопический текст на голографической акцизной марке. Когда за окном стало уже совсем сумеречно, и символы на этикетке слились в сплошную серую поверхность, он включил свет, взял чистый лист бумаги, ручку, и на одном дыхании написал рапорт по команде на перевод в учебное подразделение. Естественно, не указав истинную причину затеянной смены места службы. Полтишок в тот вечер остался сиротливо стоять на столе, нераспечатанным, так и не заведя близкого знакомства с гранёным.

Как сказал его командир, прочтя роковую бумагу, очень удивившись и явно расстроившись, Ермаков отправился «передавать бесценный опыт молодому пополнению» в Окружной учебный центр только что сформированной Арктической бригады Сил специальных операций.

Сюда же недавно был временно прикомандирован и Георгий Прохоренко. В перерывах между «командировками» он натаскивал молодых будущих профессионалов, находясь, как он

---

²³ «Комод» – командир отделения (армейский жаргон).

сам называл это состояние, в «учебном отпуске», а затем снова собирался и уезжал «на работу». Жизнь была ключом, а динамика движения просто зашкаливала. Рост по службе обещал быть щедрым: авторитет Прохоренко среди сослуживцев и подопечных курсантов был неоспорим. К своим неполным тридцати годам он прошёл, что называется, от и до, три серьёзные кампании в горячих точках по всему миру. Точнее сказать, даже не прошёл, а прополз «на брюхе» и пробежал галопом: всё это время он был постоянно «в поле» и отведал всей армейской романтики по самое некуда. И всё бы хорошо, но было одно «но», которое с недавних пор делало всю эту искромётную деятельность пресноватой. Точно ешь ароматное сациви и не чувствуешь вкуса из-за обыкновенного насморка.

Как говорится во всех мирских делах – «ищите женщину!». Вот её-то, студентку-выпускницу молодой курсант и нашёл на последнем курсе училища. Как это часто бывает, вирусом практицизма молодые заражены не были и потому с лёгкостью уехали «за туманом и за запахом тайги», по распределению главы новообразованного семейства. И ладно бы в палатку или землянку. Нет! Почти сразу в собственное новое жильё, в хорошем ПГТ²⁴ и с отличным финансовым обеспечением. Казалось бы, живи да радуйся? Ан, нет...! В постоянных командировках, потянувшихся для молодого спецназовца бесконечной чередой, супруги стали теперь встречаться всё чаще исключительно в видео-чате. Если вообще была такая возможность. Чаще, по служебным соображениям, и её-то не было.

Трещинка в отношениях начала постепенно разрастаться и вскоре достигла размеров Гранд-Каньона²⁵. Время бежало – напряжение росло. Наконец, бурный поток эмоций размыл надёжную и, как раньше казалось, незыблемую дамбу молодой семьи Прохоренко. Во время одной из таких «дальних» командировок супруга решительно собрала вещи и уехала «в цивилизацию» столицы Сибири, славного города Тобольска, ясное дело, забрав с собой и сына.

Вот об этом-то и были сейчас грустные мысли у командира сводной учебной группы. И мысли эти очень мешали сосредоточиться, чрезвычайно размягчая концентрацию и отвлекая сознание. Но, на то он и профессионал, чтобы в нужный момент суметь усилием воли абстрагироваться даже от очень важных эмоциональных переживаний и сконцентрироваться на главнейшем – выполнении учебно-боевой задачи, поставленной командованием. Есть одно чудесное проверенное средство, как уйти подальше от меланхолии и хандры: просто заняться необходимой служебной рутинной. Убрав подальше все сердечные дела и лирику, капитан стал с особым усердием проверять готовность оружия и амуниции. Вообще, он знал это по опыту, должно было помочь...

– «Иртыш», – обратился он к командиру второго взвода по интеркому, используя его позывной, – твои «корсары» идут первыми, мои ребята – следом. Интервал – минута. Активируйте «ФИЛИНа», мой оператор уже запросил код доступа для твоих. Удачи!

– Принято! И твоим «белкам», командир, того же!

На табло над головами зажгётся жёлтый транспарант с посекундным обратным отсчётом. «Иртыш» кивнул своему заму, и тот с явно излишним рвением рывкнул в интерком:

– Второй взвод! Готовность три минуты! Проверить оружие, парашюты, средства связи и контейнера! О готовности доложить.

– Ох! Да что же ты так орёшь-то? – осадил Георгий ретивого старлея и с лёгкой усмешкой подмигнул Ермакову. – «Если хочешь, чтобы тебя услышали многие – заставь их прислушаться!» – процитировал капитан старинную китайскую мудрость.

«Иртыш» по-доброму похлопал помощника по плечу:

– Ничего! Молодой ещё, старательный. Научится...

---

²⁴ ПГТ – посёлок городского типа.

²⁵ Гранд-Каньон – Большой каньон в Калифорнии, США.

– Петрович! – Ермаков вызвал на связь выпускающего старшину, – глянь там, чтобы шкерты по привычке не искали цеплять. Я знаю, что ребята грамотные, но вдруг замкнёт в голове у кого. В «Летягах» первый раз прыгают. Мало ли что... Всё, идем к вам.

– Внимание всем! «Ночной» на связи. Включить режим кодирования. С Богом, ребята! – выдохнул в интерком Георгий и мысленно перекрестил всю группу.

«С нами Бог!» – раздалось дружно и раскатисто, проникая даже через переборку фюзеляжа.

«Иртыш» и его заместитель с позывным «Скиф» повернулись к Прохоренко. Подали ребятам руки:

– Встретимся на земле!

– Только так! – ответили оба почти одновременно.

Плавно и быстро отошла в сторону дверь той переборки, что была между оперативной рубкой и большим транспортно-десантным отделением: командиры «корсаров» направились на выход.

Георгий, одобрительно глядя им вслед, взял со стола защитный шлем и, активировав специальным пультом под сдвижным бронезэкраном систему поиска и целеуказания «ФИЛИН», привычным движением надел его.

Всё всегда начинается именно с этого момента.

Шлем в руках, и сердце, будто притормаживая, чуть замирает... Но потом, опомнившись, выстреливает, словно из катапульты.

И вот что интересно: оно не рвется из груди, не забивается в дальний уголок, дрожа от страха перед неизведанным, словно перепуганный заяц. Наоборот, оно начинает биться ровно, чётко и бесстрастно. Адреналин не душит, перехватывая дыхание, заставляя безвольно трястись руки и нервно потеть, как это происходит у неподготовленных людей. Нет! Он равномерно разливается по всему телу горячей бодрящей волной, и движения становятся выверенными, мысли ясными, а глаза, лишь на миг прикрытые маской шлема, уже бесстрашно смотрят вперед... и вокруг – на триста шестьдесят градусов – лишь только затемнённое забрало расцветёт буйным цветом проекционных схем целеуказаний.

И когда взгляд снова станет ясным, всё, что до этого считалось реальным, жизненным и важным, всколыхнётся зыбким туманом и уплывет по другую сторону бытия. В голове всё громче и призывнее боевые барабаны тайко! Всё ближе и явственнее новое безжалостное испытание на прочность духа и силы воли!

Он только этим и живёт по-настоящему, он только этого хочет, и именно это и есть его реальная жизнь. А всё, что где-то там – выдуманная кем-то просто красивая картинка, красочная обложка на изданном тысячекратно многотомном фолианте под названием «Жизнь».

Теперь трудно, почти невозможно припомнить, сколько раз уже он надевал свой боевой шлем. Опуская забрало и погружаясь отнюдь не в виртуальную реальность своей собственной вселенной, решительно закрывал за собой наглухо дверь в другой мир. Мир тишины.

Мир волшебный, сказочный – и для него почти недостижимый. Мир, где люди просто живут: светло и безмятежно. Собираясь по выходным всей семьёй за обеденным столом или усаживаясь на диван у телевизоров после очередного рабочего дня.

Они общаются, ходят на футбол и в кафе, встречаются, женятся, растят детей и внуков, а по вечерам любят дивными розовыми отблесками закатного солнца в нежной пене серебристых облаков, всем сердцем желая своим родным и близким и дальше таких же тучных, благодатных и спокойных времен. Они смотрят на умиротворяющий закат с надеждой на будущее, готовые следующим утром вновь уверенно улыбнуться грядущему дню.

А в том кривом зазеркалье, куда он так настойчиво и уверенно теперь делал шаг, при желании тоже можно было поймать последние лучи уходящего дня. Но здесь они совершенно непостижимым образом изменялись: преломлялись, искривлялись и по чьей-то злой воле уже не светили и не грели. И даже любоваться ими теперь было невозможно, а, скорее всего, наоборот – опасно! Здесь они почему-то из чарующе-закатных всполохов становились вдруг яростно-обжигающими протуберанцами, кроваво-красными, багровыми, переходящими в маслянисто-липкую черноту бесконечно долгой ночи, пропитанную дымом пожарищ и взрывов. По воле буйных смерчей и ураганов тысячелетних войн, из покон веков клубясь и бурля, эти тучи летели над землёй и проливались солёными ливнями слез, смывающих в небытие целые народы. Безумные вспышки тысяч орудийных залпов, подобно грозовым молниям несли за собой неминуемые раскаты чудовищного грома, inferнально сливавшегося в миллионы предсмертных голосов. И что бы люди ни делали, как бы ни старались избежать этого, но год за годом, столетие за столетием, питаемые бурными потоками добровольных жертвоприношений, все так же бесконечно устремлялись к горизонту полноводные реки человеческой крови. И никто на земле не мог сказать, наступит ли когда-нибудь этому конец.

Но он снова надевал шлем, и в одно мгновение тёмный лаз в кроличью нору становился, уже в который раз ясно различимым и понятным. Это где-то там, в параллельном мире, забирающего жизнь неотвратимо осуждали на казнь. И все аплодировали этому суду, как самому справедливому во вселенной.

А здесь, в его реальности, и в реальности сотен тысяч подобных ему, они сами вынужденно забирали жизни. Забирали жизни у людей! Но опять, как бы это было не дико, все неизменно аплодировали этому...

Где же тогда был закон, где в это время была ПРАВДА?

Чем больше делал он смелых шагов в зазеркалье и обратно, тем дальше ОНА уходила от него. А пока...

Капитан опустил забрало из лёгкого мультикомполитного бронестекла и формованного углеволокна. Автоматически включилась подача насыщенной воздушной смеси для дыхания в разреженном пространстве, и тихо, едва слышно заработала система микроклимата. Чуть запотевший электрохромный визор забрала сразу же стал прозрачным изнутри. Приятный и даже несколько мелодичный, но чёткий и ясный женский голос «бортпроводницы ДАШи²⁶», как называли ребята с чьей-то лёгкой руки новейшую Цифровую анализирующую систему захвата и атаки, ненавязчиво приветствовал офицера. «ДАША» сообщила координаты его местоположения, основные данные здоровья и самочувствия; наличие активного (того, что непосредственно заряжен) боекомплекта, неприкосновенный запас кислорода в интегрированном баллоне и заряд аккумуляторной батареи. Оперативные данные, выведенные на экран единым списком в фоновом режиме, ожидали конкретного запроса и «размытые» отошли на задний план, будто слегка тронутые туманом. Всё быстро, конкретно и... бесстрастно.

Над дверью желтый транспарант табло готовности сменился зелёным. Резко и отрывисто залаял звуковой сигнал начала выброски десанта. На центральном дисплее единое изображение с внешних камер наблюдения раскололось на множество «окон» разных ракурсов. С нижней консоли стабилизатора было видно, как вниз уходили одна за другой сгруппировавшиеся в прыжке фигурки десантников, а с соседней аппарели, съезжая по транспортёрной ленте, падали на стабилизирующих парашютах здоровенные грузовые тактические контейнеры.

Зелёный транспарант над сдвижными дверями снова сменился на жёлтый. Замелькали секунды обратного отсчёта.

---

²⁶ D.A.S.H.A. или ДАША – (ИИ) цифровая анализирующая система: захват и атака.

– «Ночной»! «Палаш» на связи. «Корсары» ушли все без происшествий. – Отчеканил выпускающий старшина. – Жду твоих.

– Понял тебя, «Палаш». Принято. Мои готовы. «Крот» прыгает старшим. Я на контроле.

Посмотрел на дублирующий хронометр. «ДАША» выдала на проектор визора точку с координатами начала выброски и отсечку по времени в шестьдесят пять секунд.

– «Крот», взводу минутная готовность... И – вперёд! – Чётко, но спокойно отдал приказ Прохоренко своему заму Афанасьеву, проверяя снаряжение. Убедившись, что всё в порядке, направился к входу в транспортный отсек.

Ребятам из обоих взводов не нужны были лишние напоминания в воздухе. Все они были проинструктированы ещё на земле. Всем были поставлены конкретные учебно-боевые задачи. И все имели за плечами не один год службы в профильных войсках и не одну сотню прыжков. Чётко зная своё дело, каждый действовал умело и расторопно. Иначе их на борту «Слона» сейчас и близко бы не было!

Силы специальных операций – суперэлита в армии любой страны. Хотя, положа руку на сердце, ребята только ещё начинали подготовку по спецкурсу. Могли быть свои нюансы.

Загорелся транспарант на десантирование и бойцы один за другим посыпались вниз. Пора было и ему к своим «белкам-летягам»...

Проходя мимо, капитан мельком взглянул на курсовой экран обзора нижней сферы и тут же замер, как вкопанный:

– Это ещё что за...? – разом выдохнул он.

Такого Георгий точно никогда и нигде не видел!

Внизу, прямо по курсу, на фоне ровного, девственно-белого снежного покрывала бескрайней тундры непонятно откуда взявшейся огромной рваной раной зияла безобразная чёрная воронка: не то дыра, не то тоннель, уходивший вертикально вниз под землю. Диаметр этого провала поражал всякое воображение.

Он был гигантским!

Интерком ожил голосом Ермакова и быстро вывел командира из лёгкого ступора:

– «Ночной», это «Иртыш». Ты тоже видишь это? Вчера в сводке по данным места высадки об этом не было ни слова. Что это за хреновина? Как бы мои орлята туда не залетели ненароком... – командир «корсаров» как-то озадаченно усмехнулся и замолчал.

– «Иртыш», выполняйте ранее поставленную задачу: следуйте к точке сбора и проведения стрельб. Я остаюсь на борту. Эта воронка практически на границе с нашим полигоном, и мне это совсем не нравится. Сейчас сходим, посмотрим, что это такое. – И уже обращаясь к заму:

– «Крот»! Взвод на тебе. Мы с майором подойдём поближе к объекту. Следи, чтобы наши сдуру туда не свалились. Потом доставай их оттуда ещё...

– Это «Крот». Я увидел, когда прыгал. Неплохая норка, однако. Вас понял. Выполняю.

«Неплохая норка!» – сказал «Крот»? – саркастически ухмыльнулся он про себя высказыванию своего помощника. – Да такую нору всем кротам на свете не вырыть будет, даже если им ещё и лемминги с мышами помогут! Ничего себе воронка! Это какой такой снаряд её оставил, или ракета? Ну не баллистическая же. Может, разгонная ступень упала от космического корабля? Или с орбиты вмазали чем, лазером, например? Или, может, подземное испытание секретного оружия? Так здесь даже и не Новая Земля. Да и кому в голову придёт проводить стрельбы оружием подобного калибра по местности, насквозь пропитанной нефтью и газом? Странное дело...» – все это стремительно пронеслось в мозгу капитана, но ничего похожего на правду или хотя бы на обоснованное и реальное предположение в результате не осталось. Оборвал поток сумбурных мыслей выход на связь командира «Слона» майора Шанича.

– «Ночной», здесь «Птенец-1». «Вышка» дала информацию на объект внизу. Она у тебя в файлах. На словах просили передать, чтобы в случае крайней необходимости скоординировал действия с местными, но народ не светил...

И уже по-дружески дополнил:

– Я смотрю, ты остался на борту. Выпускающий подтвердил. Каковы пожелания? – судя по бодрому голосу командира турболёта, предстоящее приключение ему уже нравилось. Для него, бывалого лётчика специальной полярной военно-транспортной авиации, действовавшей в составе ССО, привыкшего к рутине перелётов над сплошными белыми от снега бескрайними территориями тундры и ледяными полями арктических морей, где порой даже глазу зацепиться не за что, такой потрясающе-контрастный «ориентир» был со всех сторон положительным. Прямо, ни дать ни взять, маяк в океане.

– Спасибо, «Птенец-1»! Двигайтесь прежним курсом. Ход чуток замедли. Надо минуту подумать.

– Да я могу просто постоять на месте. «Призраки» ушли со взводами, торопить не будут. А этот орёл может всё! – Шаничу новая машина явно была по душе.

«Ты пришла, меня нашла. А я и растерялся...», – уже мысленно закончил Георгий, пропев фразу из известного старого фильма про трактористов, ... сосредоточенно пытаюсь охватить всю ситуацию целиком.

– И ещё, «Ночной», есть последний уточнённый прогноз от синоптиков.

– Хочешь ещё добавить мне радости чуток? Ну, рискни.

– Зря шутишь. Ничего хорошего нас не ожидает: с северо-востока идёт снежный шторм. Причём серьёзный! Двадцать метров в секунду со шквалом до тридцати. «Вышка» приказала сопровождать. Но я к ночи уйду на базу заправляться, а вам в поле ночевать. Пока что мой ресурс – в твоём распоряжении.

И, видя, что быстрого ответа не последует, добавил:

– Ну, давай, жду указаний. Конец связи.

«Чертовщина какая-то! Треклятый шторм! Он был вообще не в тему. Да и откуда он взялся столь внезапно? Ещё вчера краткосрочный прогноз никаких сильных ветров с северо-востока не предполагал. А завтра должны были начаться плановые контрольные стрельбы. А что теперь? И почему «Вышка» не отозвала на базу?» – Георгий сосредоточенно потёр виски кончиками пальцев. Не то чтобы он сомневался в своих «бельчатах», нет. Но контрольные показатели ещё никто не отменял, и что там они настреляют после бессонной ночи в снегу, было одному богу известно. Ребята всё-таки ещё учились пока. И сколько вообще по времени будет продолжаться шторм? Сутки-двое? Неделю? Как назло, специально палатки «Перевал» велел оставить на базе, чтобы налегке. Да и ребяток проверить: кто на что годится...»

Издалека, откуда-то из детства всплыл жёсткий голос с хрипотцой под звуки гитары: «если парень в горах – не ах. Если сразу раскис и – вниз. Шаг ступил на ледник и – сник. Оступился – и в крик...»

«Да, ну вот теперь и посмотрим, поэкстрималим. А по шапке я отгребу от начальства, это как пить дать».

Но столь отвратительная новость, как ни странно это выглядело бы в глазах любого постороннего человека, вызвала у Георгия ещё и дополнительный прилив усиленных мыслительных процессов. Из двух извечных русских вопросов: кто виноват и что делать, для практика наиболее важен второй. А капитан был отличным практиком, в самом полном смысле этого слова.

Неудачник ищет оправдание, а победитель – возможность! Прохоренко при любых обстоятельствах стремился искать возможность. Всегда и везде он стремился побеждать!

Стандартная войсковая тактическая система связи нового поколения, которой «заведовала» «ДАША», выделяла по позывному кодированный канал и автоматически закрывала его для всех остальных, если только в начале радиообмена не звучало кодового слова «всем».

Поэтому, даже если ребята хотели «погреть уши» в эфире, это им ни за что не удавалось: собеседники, назначенные инициатором или командиром для конференц-связи, могли спокойно общаться, без опасения быть перехваченными или случайно подслушанными.

Скинув с плеч «Летягу», Георгий присел обратно в компенсирующее кресло и внимательно посмотрел на погодную интерактивную карту, специально со спутника выведенную для него командиром «Слона» в окне одного из дисплеев. Изучив её в режиме реального времени, вернулся чуть назад и прокрутил запись снова. Ещё совсем недавно зона малой облачности была безмятежна, словно само арктическое спокойствие. И тут – на тебе: всего за четыре часа невероятным образом всё поменялось кардинально, на полную противоположность. Вихрь стремительно набирал мощь и силу. Превращаясь в шторм, он собирал вокруг себя огромные облачные массивы и пульсировал на карте кроваво-красным ядром, не предвещая ничего хорошего. Неудержимо напознал он со стороны Новосибирских островов в Ледовитом океане, неся с собой ледяной ветер, мегатонны снежных навалов и лютой холод. Пересидеть такое в поле, как говорится, было не самой приятной перспективой.

«Странно! По местной розе ветров он не должен двигаться в эту сторону. Какой-то аномальный шторм. К ночи, скорее всего, будет уже здесь, судя по показателям давления, скорости перемещения и расстоянию. Температура скоро начнёт резко падать, а личный состав запланированно ночует хоть и в специальных, но палатках. Есть широкое поле для раздумий и разумных инициатив» – отметил для себя капитан.

Снова включился майор:

– «Ночной», ты будешь смеяться, но возле объекта уже полно народу! Их там как муравьёв возле рафинада: «ФИЛИН» распознал пятьдесят четыре человека, как внутри помещений, так и вовне. А также лёгкую строительную технику и транспорт. Домики-бытовки в нескольких километрах на юго-запад от воронки. Мои ребята из авиаразведки клянутся, что неделю назад здесь была ровная тундра и ни души! А там, оказывается, теперь целый рабочий посёлок с вахтовками и мобильными кунгами!

– Что же это за вороночка такая интересная у нас образовалась, раз экспедиционная оперативность специалистов прямо зашкаливает? Спасибо, «Птенец-1»!

Способность к импровизации – отличная и очень нужная для спецназовца черта, поэтому, когда у Прохоренко сверкнула почти авантюрная идея, он не стал гнать её прочь:

«Правильно!... кунгами!» Ага! Действительно, это мысль... Надо бы более внимательно присмотреться к этим геологовзрывным работам. Гражданские в таком количестве, в прямой видимости от специального секретного стрельбового полигона ССО?...»

Это было слегка непонятно. Совсем слегка, по сравнению с этой огромной дырой, которая, не пойми откуда взялась, считай что на его территории.

– «ДАША», дай мне объективную оценку на нехарактерные, в том числе и по допуску, для данного места объекты. Выведи на тактические мониторы передо мной.

Тут же проекционные дисплеи оживились, и разного рода оперативная информация посыпалась с них, как из рога изобилия. На одном экране плясали в запыленном хороваде фотографии и развернутые личные дела членов специальной научной экспедиции РАН²⁷ по геологоразведке и геомагнитным аномалиям. Сформированной, кстати говоря, меньше недели назад! Таковых оказалось ровно тридцать семь. За ними шли такого же рода досье на двух местных пастухов-оленоводов, двух пилотов экспедиционного вертолёт и трёх наёмных техников-вахтовиков. А вот замыкали список сильно урезанные в подробностях служебные данные на десяток сотрудников какой-то очень «Специальной службы содействия исследованиям», открытие которых требовало более высокого уровня допуска, что было несколько интригующе неожиданным.

---

²⁷ РАН – Российская академия наук.

«Это что ещё за служба такая? Первый раз слышу. Ну да бог с ними. ВОХР²⁸, наверное, какой-нибудь, подведомственный...» – подумал капитан и тут же откинул сомнения как мало-значительные при данных обстоятельствах.

На другом дисплее подробным слайд-шоу перечислялась в 3D-проекции вся мобильная техника и технологическое оборудование экспедиции и местных: два вертолёт, лёгкий самолёт, компактные универсальные бульдозеры и несколько вездеходов. А также бурильные установки, насосы-компрессоры, беспилотники и всякая другая мелочь. Центральный же дисплей был заполнен подробнейшим видеорядом съёмок самой воронки с бегущими сверху вниз показателями физических данных объекта. Энергетические и радиационные поля, уровень токсичных испарений, глубина и температура, геологические слои и интенсивность деградации вечной мерзлоты и диффузия пород. Там же шла он-лайн трансляция с двух беспилотных роботов, работающих непосредственно в стволе непонятной шахты и изучающих структуру срезов стенок и глубину провала.

Последний показатель, судя по отчёту приборов, не менялся уже более трёх часов. Картинка постоянно меркла при опускании аппарата ниже и снова вспыхивала контрастом, как только тот устремлялся наверх или просто перезагружался. Прохоренко несколько удивился подобному поведению системы, ведь беспилотники были специально сконструированы и настроены на экстремальное использование и имели круглосуточный выделенный спутниковый трансляционный канал. А тут было такое впечатление, что роботы погружаются в некое сплошное поле помех, обволакивающее их и временно лишаящее системы возможности трансляции и приема.

«Ладно, сходим – поглядим поближе, пощупаем, потрогаем. Тогда уж и решим, как енто потребить,» – нарочито по-дедовски, самоиронизируя пробубнил капитан.

В пилотской кабине «Слона», на командирском пульте высветился и начал пульсирующе моргать красным входящий вызов «спецсвязи». Шанич активировал конфиденциальный канал и закрыл забрало шлема, сделав разговор неслышным для второго пилота и бортинженера:

- «Птенец-1»! Здесь «Эльбрус». Ответьте!
- «Эльбрус», это «Птенец-1». Приём уверенный, слышу вас хорошо.
- Включите криптографическую кодировку. Доложите о готовности.
- Кодировка активирована. Готов.
- Ваша идентификация подтверждена. Сейчас вы получите устные инструкции и зашифрованную информацию. Код подтверждения...

...Далеко внизу, на небольшой расчищенной от глубокого снега площадке словно малюсенькие трудолюбивые мураши копошились и перемещались по своим делам в разных направлениях люди и техника. По сравнению с небольшим лагерем экспедиции безобразно-чёрное жерло загадочной воронки выглядело нереально и почти дико: каким-то непостижимо мистическим образом, при сосредоточении на нём взгляда казалось, что оно растёт, набухает, раздаваясь во все стороны, и как живое невероятных размеров существо пульсирует и дышит. Обман зрения был здесь ни при чём, обескураженный мозг сам додумывал, включая воображение на полную катушку. Того и гляди, кратер мог оказаться... не чем иным, как кошмарной пастью этого самого неведомого гиганта.

Были видны довольно интенсивные струи пара, исходящие из него. Сгущаясь на небольшой высоте, они постепенно образовывали клочки низких облачков, ввиду полного отсутствия ветра никуда не улетающих и уже начавших закрывать воронку сероатой пеленой. А штиль в этих местах мог означать совершенно определённо лишь одно: грядёт сильнейшая буря...

---

²⁸ ВОХР – Военизированная охрана.

– ... на объекте «ХРАМ» группа шифр I.A333 должна быть через трое суток. Вы назначены старшим куратором группы. Командиром – капитан Прохоренко. Группе присвоен позывной «ЛЁД». Статус «особой» подтверждён в базах данных, – говоривший остановился, будто замялся.

Решив, что надиктовка приказа закончена майор Шанич четко ответил:

– Вас понял, «Эльбрус». Подтверждаю получение инструкций. Разрешите выполнять?

На том конце эфира будто кто-то устало вздохнул, чувствуя, что его не до конца поняли, и попытался приоткрыть завесу над реальным положением вещей. Насколько это вообще было возможно:

– Да подожди ты, Сан Саныч. Тут такое дело... – «Эльбрус» будто раздумывал ещё секунду, что можно добавить к объяснению, чтобы помочь подчинённым с выполнением задания. И не найдя больше слов, вдруг как-то нарочито сумрачно заметил. – В этот раз всё действительно очень серьёзно. Даже слишком!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.